

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории, языка и литературы

ЗАПИСКИ

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

ВЫПУСК I

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА • 1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории, языка и литературы

ЗАПИСКИ

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

ВЫПУСК I

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА * 1953

ЯЗМАЛАР

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯНЫ

1 ВЫПУСК

1974
Библиотека Института
Филиала А.Н. СССР

БАШКОРТОСТАН КИТАП ИЗДАТЕЛЬСТВОНЫ
ӨФӨ - 1953

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» заложил прочные теоретические основы советской науки о языке, определил пути дальнейшего развития советского языкознания.

Выдающиеся работы И. В. Сталина по языкознанию имеют величайшее значение в изучении языков народов СССР.

В. И. Ленин, И. В. Сталин, Коммунистическая партия всегда уделяли огромное внимание развитию национальных языков, указывая на важнейшую роль родного языка в приобщении народов к социалистическому строительству, в развитии культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме. Великая сила родного языка сказалась на примере небывалого подъема культуры в нашей стране — стране победившего социализма. Народы Советского Союза на своих родных языках изучают произведения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина — высшие достижения мировой культуры. К числу языков, ставших языком социалистической нации, относится также башкирский язык.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ленинско-сталинской национальной политике башкирский народ создал свой литературный язык.

* * *

За годы советской власти достигнуты значительные успехи в развитии башкирского литературного языка. Важным событием, способствовавшим его дальнейшему развитию, явился переход письменности на алфавит на основе русской графики.

Большое внимание в башкирском языкознании было обращено к изучению словарного состава. За последние 30 лет было организовано 15 лингвистических экспедиций, в которых, наряду с местными лингвистами, принимали участие московские языковеды. Изучение богатого живого разговорного языка башкир дало возможность создать впоследствии «Русско-башкир-

ский словарь» (Москва, 1948 г.), терминологические словари по математике, химии, физике.

Известная работа проделана по разработке грамматики башкирского языка. Лингвистами написан ряд научных трудов и статей по отдельным вопросам башкирской грамматики, например, «Грамматика башкирского языка» члена-корреспондента Академии Наук СССР, проф. Н. К. Дмитриева; «Категория глагольных видов в башкирском языке» А. И. Харисова.

Научные работники республики за последние 7—8 лет защитили диссертации на актуальные темы башкирской лингвистики: К. З. Ахмеров — «Части речи в башкирском языке», Т. Г. Баишев — «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку», Дж. Г. Киекбаев — «Орфоэпия башкирского литературного языка», А. И. Чанышев — «Категория прилагательных в башкирском языке» и др.

Однако эти труды, как и другие работы, посвященные вопросам башкирского языка, содержат немало ошибок, без преодоления которых невозможно продвигать вперед башкирское языкознание.

Порочное и вредное так называемое «новое учение» о языке имело свое влияние и на научных работников нашей республики, на их научно-исследовательские работы по языку, литературе и истории, на учебники и программы по башкирскому языку и литературе, а также на преподавание этих предметов в школах, училищах и институтах. Так, в учебнике А. И. Харисова по теории литературы, изданном в 1947 году, утверждается, что язык классовый, в классовом обществе люди не говорят на одинаковом языке. В отдельных классах и классовых группах язык приобретает различный характер (стр. 94). В работе «Категория глагольных видов в башкирском языке» А. И. Харисова, как и в диссертационных работах Чанышева А. И., Киекбаева Дж. Г., Баишева Т. Г. и др. ряд вопросов освещается на основе учения Н. Я. Марра.

В учебнике по башкирскому языку для педучилищ, написанном старшим научным сотрудником института истории, языка и литературы К. З. Ахмеровым, язык рассматривается как надстройка и приводится известное ошибочное положение Н. Я. Марра о том, что звуковому языку предшествовал ручной язык, который, — как указывал И. В. Сталин, — «...собственно, не язык, и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи» (И. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания», издательство «Правда», 1950, стр. 40).

Серьезные недостатки и ошибки имеются в учебнике тт. Фаритова и Гумерова «Грамматика башкирского языка» для пе-

дагогических училищ, изданном Башгосиздатом в 1949 г. под редакцией кандидата филологических наук Дж. Г. Киекбаева. Учебнику предпослано порочное антипедагогическое предисловие редактора, в котором он сокрушается, что школа, приобретающая ученика к литературному языку, отучает его от «правильного, красивого произношения», присущего его диалекту.

Авторы учебника язык рассматривают как классовое явление, допускают искажение исторических фактов, утверждая, что башкиры длительный период общались с арабами и иранцами, тогда как история не знает непосредственного общения башкир с этими народами. Путано и ошибочно объясняются в этом учебнике вопросы грамматики.

Особенно серьезные ошибки допущены в вопросе о диалектах башкирского языка. Авторы учебника не использовали имеющиеся исследования по этому вопросу. Они пошли по линии выдумывания диалектов. Так, они в башкирском языке насчитывают 9 диалектов.

В определении диалектов нет у авторов научного принципа. Они их делают то по родовым признакам (куваканский, юрматынский), то по территориальным (северный и западный диалекты), то даже по социально-сословному признаку (тептярский говор). Вряд ли можно говорить о тептярском диалекте, так как тептяри, так же, как и бобыли, никогда не имели компактности и определенной территориальной принадлежности, они были всюду в Башкирии. Тептяри исторически представляли собой социально-сословную категорию, которая включает в себя не только башкир, но и татар, удмурдов и др., говорящих на своих языках. Наконец, в учебнике указывается на «средний говор», который не подчиняется никакому принципу.

Следует остановиться на диссертационной работе Т. Г. Баишева «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку», в которой автор рассматривает язык очень упрощенно, вне его исторического развития. Он пишет: «В употреблении слов и терминов и в их комбинации для передачи данного понятия в языке каждого народа и каждой группы населения этого народа есть особенности, свои приемы, свое стремление. Одни из них стремятся найти отдельные слова для каждого отдельного предмета, другие, не стремясь обогатить язык отдельными словами для передачи отдельных понятий и отдельных предметов, стремятся добавлять вспомогательные слова к коренным словам, являющимся исходным (основным) термином данного понятия или предмета». (Т. Г. Баишев «Автореферат к диссертации на тему «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку», стр. 14.)

По объяснению автора выходит, что язык развивается по стремлению народа в лице отдельных «групп» и «населения» этого народа, что, конечно, не имеет ничего общего с марксистской наукой о языке.

Серьезные ошибки в башкирском языкознании имеются, к сожалению, и после выхода трудов И. В. Сталина. Так, например, Дж. Киекбаев в своей статье «О некоторых вопросах исторической грамматики башкирского языка», напечатанной в журнале «Эдэби Башкортостан» (№ 5, 1951 г.), весьма поверхностно и без научной аргументации заключает, что башкиры не принадлежали к тюркской группе народов. Он это мотивирует только тем, что побывавшие в X—XII веках в Башкирии арабские миссионеры, послы и торговцы без помощи переводчиков не могли объясняться с башкирами. Между тем, продолжает Дж. Киекбаев, венгерские миссионеры объяснялись с башкирами без помощи переводчиков. Отсюда автор приходит к выводу, что башкиры — угро-финского происхождения. Данный вывод нельзя считать научно обоснованным. То, что арабы не понимали башкирского языка, это еще не позволяет делать вывод, отрицающий принадлежность башкир к тюркской группе.

Ошибки и недостатки, связанные с учением Н. Я. Марра, имеют место и в вопросах изучения истории. Так, например, А. Усманов в своей книге «Присоединение Башкирии к Московскому государству», изучая вопрос этногенеза башкирского народа, пишет, что якобы «выдвинутое Н. Я. Марром теоретическое положение несомненно вносит ясность в вопрос о происхождении башкир и формировании башкир в народность».

А. Усманов в другом месте своей работы, ссылаясь на Марра, также допустил ошибку, объясняя развитие языка путем скрещивания.

Подобные ошибки имелись и в других работах, посвященных истории Башкирии.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания оказали институту неоценимую помощь в преодолении допущенных ошибок.

Исходя из указаний И. В. Сталина, данных в его гениальных трудах по вопросам языкознания, Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР составил тематический план работы на ближайшие годы, в котором определены задачи института по разработке важнейших и неотложных вопросов башкирского литературного языка. Сюда относятся составление башкирско-русского словаря, учебных пособий для педагогических и учительских институтов по современному башкирскому языку и диалектологии; разработка научного синтаксиса башкирского языка; изучение и разработка истории башкирского литературного языка; составление терминологических словарей; изучение лексического богатства башкирского языка и др.

Работая в этом направлении, языковеды института проделали некоторую работу. Так, например, вышли из печати:

Орфографический словарь башкирского литературного языка, (К. З. Ахмеров).

Терминологические словари по ботанике (Н. Уразметов), по географии (М. Хакимов), по зоологии (Т. Байшев).

Сравнительная грамматика русского и башкирского языков (Р. Терегулова, К. Ахмеров).

В 1952 году завершено составление Башкирско-русского словаря.

Следует отметить, что многие вопросы башкирского языка до сих пор еще разрабатываются слабо.

К таким важнейшим вопросам башкирского языкознания, как изучение внутренних законов развития языка, исследование грамматического строя языка, изучение грамматического строя языка в сравнительно-историческом аспекте, с привлечением всей совокупности грамматических явлений родственных языков, создание сравнительно-исторической грамматики, изучение и научная оценка дореволюционной письменности—тюрки даже не приступлено.

Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка ставит перед нашими лингвистами серьезные проблемы и в лексикологии.

Такие теоретические вопросы лексикологии, как процесс развития словарного состава башкирского языка, отношение и объем основного словарного фонда и словарного состава в разные эпохи развития языка, внутренние законы развития основного словарного фонда башкирского языка, закономерности словообразования, заимствования слов из других языков, процесс развития и изменения семантики слов и много других ждут своих исследователей.

Разработкой некоторых проблемных вопросов башкирского языкознания заняты научные сотрудники Института истории, языка и литературы. Так, например, старший научный сотрудник К. З. Ахмеров работает над проблемами синтаксиса башкирского языка, старший научный сотрудник Т. Г. Байшев — над вопросом взаимоотношения основного словарного фонда и словарного состава башкирского языка, старший научный сотрудник Р. Н. Терегулова работает над вопросами сравнительно-сопоставительной грамматики башкирского и русского языков, младший научный сотрудник Б. С. Саяргалеев — над конкретной темой по морфологии башкирского языка.

Для быстреего разрешения насущных, неотложных задач башкирского языкознания необходимо объединить все имеющиеся силы как в пределах республики, так и вне ее, координировать работу языковедческих кафедр педагогических и учительских институтов с работой сектора языка Института истории, языка и литературы.

Совместная творческая работа всех работников языкового

фронта поможет также разрешить многие научно-практические вопросы. Первостепенной задачей является создание учебников и учебных пособий по лингвистическим дисциплинам для башкирских отделений литературных факультетов институтов. Не менее важным является пересмотр и создание учебников по башкирскому языку и литературе, по русскому языку для нерусских школ республики. Серьезной задачей также является обобщение опыта перевода на башкирский язык произведений классиков марксизма-ленинизма и русской художественной литературы.

Институт истории, языка и литературы должен организовать свою научно-исследовательскую работу вокруг основных задач истории Башкирии, башкирского языкознания и литературоведения, систематически практиковать творческие дискуссии по теоретическим вопросам с привлечением широкого круга специалистов. У нас имеются все возможности для того, чтобы не отстать от общего темпа развития советского языкознания.

Гениальные труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» и исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза открыли величественные перспективы нового подъема передовой советской науки. Перед языковедами Башкирии стоят большие задачи—поднять на более высокий уровень башкирское советское языкознание, развертывая критику и борьбу мнений в научной работе, памятуя, что только таким путем могут они содействовать советской науке выполнить свою миссию—занять первое место в мировой науке.

Р. Н. ТЕРЕГУЛОВА

Кандидат филологических наук

О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБОГАЩЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В гениальных трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания впервые в истории дан глубочайший, подлинно научный анализ основных теоретических проблем марксистского языкознания. Классические труды И. В. Сталина дают ясные, глубокие и исчерпывающие ответы на самые важные, узловые вопросы языковедческой науки. Они вооружают советских языковедов новыми знаниями, новыми открытиями в области марксистского понимания исторических закономерностей развития языка.

Работы И. В. Сталина проливают яркий свет на историю, на становление и развитие каждого отдельного языка. Для нас с предельной ясностью определился и тот длинный путь, который башкирский язык прошел от языков родовых до превращения в язык социалистической нации.

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин наряду с языками других народов СССР говорит и о башкирском языке: «Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй».¹

¹ И. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания», издательство «Правда», 1950, стр. 5—6.

Указанием И. В. Сталина подтверждается самобытность башкирского языка, имеющего и свой основной словарный фонд, который «дает языку базу для образования новых слов», и свой грамматический строй, составляющие «основу языка, сущность его специфики».

Народ, создавший древнейшие эпосы, легенды, сказания, живший богатой духовной жизнью не мог не иметь своего развитого языка. В живом народном языке лежит его словарное богатство.

Однако наряду с этим, когда башкирский язык в своей исторической жизни начал соприкасаться с другими языками, его словарный состав стал пополняться за счет словарного состава этих языков. Но башкирский язык, воспринимая от других языков лишь необходимые слова и выражения в зависимости от того, насколько они были нужны в жизни народа, сохранил общенародный, национальный характер; и основной словарный фонд башкирского языка, как и его грамматический строй, развивается самостоятельно, по внутренним законам своего развития. Словарный фонд, естественно, состоит из исконно башкирских слов, например, *базаулык*—малодушие (татарское *йөрәксезлек*, *куркаклык*); *базнат итеу*—дерзнуть (татарское *батырчылык итеу*), от него идут производные: *базнатлы*—решительный, *базнатлыз*—неуверенный; *байтирэк*—большое ветвистое дерево (в татарском отдельного названия не имеется); *ябай*—простой (татарское *гади*), отсюда: *ябайлык*—простота; *тупһа*—порог (татарское *бусаға*); *карағай*—сосна (татарское *нарат*) и т. д. Башкирский язык имеет свою развитую форму словообразования. Так, при помощи разнообразных словообразовательных элементов создано множество слов: *төзөлөш*—строительство; *йөкләмә*—обязательство; *королма*—сооружение; *сығыш*—выступление; *ярыш*—соревнование, *йөкмәткә*—содержание; *өстәмә*—добавление и др.

Данная статья не ставит задачу лингвистического анализа развития башкирского национального языка. Она посвящена рассмотрению пополнения его словарного состава словами и терминами, заимствованными из русского языка.

Башкирский народ издавна тесно связал свою судьбу с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству в середине XVI века имело решающее прогрессивное значение в жизни башкир. С этим важнейшим историческим событием связано массовое появление русских людей в крае, среди башкир, и тесное долготетнее общение башкир с великим русским народом.

Русский трудовой народ завоевал всеобщее признание своими величайшими подвигами на протяжении всей своей истории. Он выдержал все невзгоды, все исторические бури, которые обрушивались на него и его родину.

Благородные идеи русской литературы, богатства русского искусства, науки и языка были свободно восприняты другими народами Советского Союза и помогли блестящему расцвету их собственной национальной культуры.

В этом с исключительной силой отображена направляющая и руководящая роль русской нации.

Связь исторических судеб башкирского народа с русским народом должна была непременно отразиться и на языке. Воздействие русского языка на башкирский язык в смысле обогащения его словарного состава является чрезвычайно ценным, ибо, как указывает И. В. Сталин: «Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык».¹

Велика роль русского языка в обогащении и развитии национальных языков нашей страны. Эта роль его особенно усилилась после Великой Октябрьской социалистической революции, когда русский язык стал орудием выполнения огромной важности задач социалистического строительства.

В данной работе мы, в пределах небольшой статьи, пытаемся проследить благотворное влияние богатейшего русского языка на обогащение словарного состава башкирского языка.

Русские и через русское посредство иностранные слова проникли в башкирский язык двумя путями: устным путем и через литературу. Длительное сожителство обоих народов на общей территории сделало возможным и, можно сказать, естественным употребление в башкирском языке русской лексики, и анализ этой лексики показывает, что значительная ее часть проникла устным путем, путем непосредственного общения башкирского населения с русским. Это, главным образом, слова из области быта.

Другая же часть лексики проникла через школу и литературу. Это отвлеченные слова, научно-техническая терминология, особенно усилившаяся в связи с переводами с русского языка на башкирский.

Подавляющее большинство русских слов, употребляемых в литературном языке, бытует и в живом разговорном языке. Здесь происходит как бы двойной процесс: часть слов из литературного языка проникает в живой язык народа, часть же, по мере распространения в разговорном языке, идет в литературный язык. Так, в словарном фонде башкирского языка имеются давно заимствованные слова, осознаваемые говорящими, как «свои собственные», например, *самауыр* (самовар), *өстәл* (стол), *кәбестә* (капуста), *скәмйә* (скамья), *бүрәнә* (бревно), *бизрә* (ведро), *юшкә* (вьюшка), *эзбиз* (известь), *сират* (очередь), *мәрмәр* (мрамор) и др. Эти слова проникали в башкирский язык в процессе непосредственного общения, че-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 19.

рез разговорную речь, поэтому они бытуют в языке с измененной фонетикой и настолько прочно вошли в башкирский язык, что их иноязычное происхождение совершенно не чувствуется. Эти слова вошли в основной словарный фонд башкирского языка. Этот процесс не может быть приостановлен, и в дальнейшем русские слова в процессе непосредственного общения будут проникать в словарный состав башкирского языка, а многие из них войдут и в основной словарный фонд.

Наблюдения над языком населения показывают, что некоторые русские слова, употребляясь параллельно с родными, вошли уже в быт, в повседневную жизнь народа. Так, например, колхозная жизнь способствовала распространению в башкирском языке, несмотря на наличие своих собственных, таких слов, как *трудодень, собрание, весовщик, полевод, отход, урожай, конюх* и др. Опыт даже беглого рассмотрения словарных заимствований из других языков позволяет предположить, что с течением времени и эти слова не будут даже сознаваться как заимствованные, и только лишь глубокий научный анализ откроет их этимологию.

С другой стороны, многие слова проникают в живой язык народа через прессу, радио, школу, театр, т. е. из литературного языка идут в разговорный, например, *авангард, агитбригада, адрес, баланс, библиотека, заказ, наказ* и много других.

Характер заимствований русских слов может быть рассмотрен, по нашему мнению, с двух сторон: во-первых, русские слова, обозначающие предметы и понятия, не имеющие названий в башкирском языке, во-вторых, слова, употребляемые для обозначения предметов и понятий, имеющих названия и в башкирском языке.

Каждая из этих групп имеет свои подразделения в зависимости от употребления.

I.

Заимствования из русского языка и через русское посредство слов иностранных, обозначающих предметы и понятия, не имеющие названий в башкирском языке, можно подразделить на два разряда в дореволюционный период и на два разряда в послереволюционный период.

Первую группу составляют слова, вошедшие в башкирский язык в эпоху, наступившую вскоре после присоединения Башкирии к Русскому государству. Приток русских слов, главным образом, шел тогда через официальную переписку — деловые бумаги. А наиболее интенсивное проникновение их, очевидно, было во времена военных походов и восстаний совместно с русскими. В это время в башкирский язык проникли такие слова, как *барабан, барак, бригадир, бунт, йэзрэ (ядро),*

казарма, квитанция, команда, командир, крепость, наказ, начальник, өйэз (уезд), патрон, писарь, плен, полк, поход, приказ, рапорт, старшина, указ, штаб, штраф, штык, эскадрон и др.

Ко второй группе относятся слова, проникшие в башкирский язык в более позднюю эпоху, когда началось массовое переселение русского населения в Башкирию, примерно, с начала XVIII века, когда в Башкирии развивалась крепостническая горно-заводская промышленность, и открылись русские школы. В это время в башкирский язык проникли слова, связанные с открытием заводов, развитием ремесел и с разработкой природных богатств края.

Вместе с этим все больше усиливался приток русских слов по мере усиливающегося общения башкирского населения с русским. Словарные заимствования из русского языка были связаны с таким важным событием, как переход башкирского народа к оседлости. Наличие в башкирском языке русских названий, относящихся к области земледелия и огородничества, показывает, что земледелие и огородничество у башкир развивалось под непосредственным влиянием русских.

Большое количество слов, проникших в башкирский язык в это время, позволяет рассмотреть их по областям употребления. Их можно распределить по следующим рубрикам:

1. Домашняя обстановка и хозяйство: *батмус (поднос), бумала (помело), бутылка, буранка (воронка), йэшник (ящик), карауат (кровать), көршәк (горшок), көрзинкә (корзинка), көрәсин (керосин), кәтүк (катушка), лампы (лампа), лар (ларь), мискә (бочка), өстәл (стол), самауыр (самовар), стакан, суйын (чугун), сумка, скәмйә (скамья), сәйнүк (чайник), тәрилкә (тарелка), үтек (утюг), филтә (фитиль), шкатулка, шкаф* и др.

2. Земледелие и огородничество: *арыш (рожь), буразна (борозда), дисәтинә (десятина), землемер, картоф (картофель), керән (хрен), күсән (кочан), кабестә (капуста), мак (мак), пар, сыбағас (цеп—ағас), ужым (озимь), һалам (солома), һука (соха), эскерт (скирд), әуен (овин)* и т. д.

3. Постройки, инструменты и стройматериалы: *бурәнә (бревно), борау (бурав), замаска (замаска), лом (в произношении лум), матса (матица), мейес (печь), мүк (мох), мөгәрәп (погреб), плитә (плита), рама (в произношении рам), рәшәткә (решетка), сарзак (чердак), склад, солан (чулан), торба (труба), стена (в разговорном языке эстинә)* и др.

4. Упряжь: *сана (сани), сбруй (сбруя), тарантас (в разговорном „карандас“), тәже (тяж), шлея (в разговорном языке ышлыя)* и др.

5. Одежда, материалы и украшения: *бумазый* (*бумазея*), *бэз* (*бязь*), *галош* (в разговорном языке *калуш* или *кэуеш*), *коленкор* (в разговорном языке *каликкур*), *перчатка* (в разговорном языке *бирсэткэ*), *пинжэк* (*пиджак*), *сарпинка* (в разговорном языке *сарпинкэ*), *ситса* (*ситец*), *һырға* (*серьга*), *шарф* (в разговорном языке *шарыф*), *шләпә* (*шляпа*) и др.

6. Должности, учреждения и относящиеся к ним предметы: *генерал*, *губернатор*, *конверт* (в разговорном языке *кэмбирт*), *марка*, *начальник* (в разговорном языке *нэсэлник*), *печать* (в разговорном языке *мисэт*), *почта* (в разговорном языке *бушта*), *приказ*, *прокурор*, *расписка*, *һурғыс* (*сургуч*) и др.

Башкирский язык послереволюционной эпохи содержит богатую новую лексику, отражающую огромный переворот в экономической, политической и социальной жизни нашей страны.

После революции первый приток русских слов был связан с общественно-политической жизнью страны и теми бурными сдвигами в жизни народов, которые были вызваны революционной эпохой. И само собой, широким потоком, хлынули в язык слова, отображающие приход новой жизни: *власть*, *герб*, *гимн*, *диктатура*, *демонстрация*, *декрет*, *делегат*, *депутат*, *конституция*, *конференция*, *коммунизм*, *кодекс*, *лозунг* и много других.

Дальнейшее проникновение русских слов обусловлено единым государственным строем, одинаковыми социально-экономическими условиями, в которые поставлены все народы нашего Союза, и приобщением широких народных масс к русской культуре.

Одним из следствий этого является замена непонятных, чуждых народу арабских и персидских слов, вошедших через старую литературу и встречающихся только в книжном языке, башкирскими или русскими словами. Так, например, *иктисад* заменили словом *экономика*, *шура—совет*, *инкилап—революция*, *битараф—нейтраль* (*нейтральный*), *тафтиш—ревизия*, *мәдәният—культура*, *сәнғәт—искусство*, *хәрита—карта* (*географическая*), *рәссам—художник*, *сәнғәт—промышленность*, *сәркәтип—секретарь*, *фиркә—партия*, *дәүләт—государство*, *жәмһүрият—республика* и т. д.

Но, главным образом, словарный состав башкирского языка как и русского «...пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки...».¹

В связи с этим одним из источников пополнения словарного состава башкирского языка является заимствование русских слов и через русский язык иностранных слов, которые связаны «... с производственной... и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы...».¹

1. В общественно-политической и научной: *агитбригада*, *агитпункт*, *абсолютизм*, *демократ*, *дипломат*, *догма*, *дуализм*, *идеология*, *идеолог*, *информация*, *коммунист*, *комсомолец*, *либерализм*, *лига*, *марксизм*, *ленинизм*, *материализм*, *революция*; *артикуляция*, *антропология*, *аннотация*, *антитеза*, *антология*, *академизм*, *биофизика*, *бактериология*, *геоботаника*, *гальванизация*, *диалектика*, *диссертация*, *дидактика*, *индукция*, *лексикография*, *логика* и др.

2. В технической: *авиадвигатель*, *арматура*, *ампер*, *акустика*, *аккумулятор*, *авиадвигатель*, *авиамотор*, *аэромеханика*, *гальванопластика*, *гидродинамика*, *двигатель*, *дизель-мотор*, *динамика*, *динамомашинка*, *киловатт*, *коммутатор*, *конденсатор* и др.

3. В военной: *артиллерия*, *адмирал*, *адъютант*, *автомат*, *авиация*, *батальон*, *батарея*, *блиндаж*, *броневик*, *броненосец*, *бронепоезд*, *взвод*, *гарнизон*, *гвардия*, *генерал*, *генералитет*, *граната*, *демобилизация*, *десант*, *дивизия*, *дозор*, *допризывник*, *ефрейтор*, *кавалерия*, *маневр*, *маршал*, *майор* и др.

4. В спортивной: *акробатика*, *бокс*, *баскетбол*, *велоспорт*, *волейбол*, *гамак*, *гимнастика*, *зарядка*, *ипподром*, *коньки*, *крокет* и др.

5. В сфере культуры и искусства: *ария*, *ансамбль*, *аккорд*, *аккомпанемент*, *баян*, *балалайка*, *баритон*, *виолончель*, *водевиль*, *гитара*, *гойбой*, *карнавал*, *кинокартина*, *клавиатура*, *консерватория*, *контрабас*, *конферансье*, *концерт*, *концертмейстер*, *либретто*, *лира* и др.

6. В области медицины: *ангина*, *амбулатория*, *аптека*, *аспирин*, *бронхит*, *бинт*, *больница*, *бром*, *валерьянка*, *градус*, *гемоглобин*, *глицерин*, *грипп*, *дезинфекция*, *диагноз*, *диатермия*, *диета*, *диспансер*, *дифтерит*, *карантин*, *компресс*, *консилиум*, *массаж*, *медицина*, *медикамент*, *микстура*, *порошок*, *ревматизм* и др.

7. В области хозяйства и быта: *автомашинка*, *баржа*, *баркас*, *борт*, *велосипед*, *грузовик*; *абазур*, *будильник*, *ваза*, *ванна*, *вешалка*, *гардероб*, *диван*, *кастрюля* (*кастрюля*), *клеенка*, *койка*, *кресло*, *комод*, *кушетка*, *лампочка*, *мебель*, *матрас* (*матрац*); *блуза*, *берет*, *галифе*, *гимнастерка*, *галстук*, *жилет*, *жакет*, *запонка*, *зонт*, *кашне*, *костюм*, *кофта*, *майка*; *булка*, *борщ*, *бисквит*, *бутерброд*,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 4.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8.

боржом, батон, ветчина, виногрет, вермишель, галета, гуляш, ирис, какао, колбаса, компот, консерва, котлет, кофе, крахмал, маргарин, макарон и др.

Можно было бы продолжить количество семантических групп. Так, например, в большом количестве представлены слова, выражающие принадлежность людей к определенной социальной группе, профессии и специальности: *колхозник, интеллигент, агроном, библиотекарь, избач, инженер, корректор, лаборант, композитор, медсестра, археолог, ветеринар, географ, геолог, медик, математик, методист.*

Однако приведенная классификация показывает, что заимствования из русского языка охватывают, хотя и неравномерно, все стороны жизни. По своему значению это слова для новых понятий, новых предметов, вошедшие в язык вместе с употреблением обозначаемых ими предметов в жизни народа.

Таким образом, словарный состав башкирского языка, как и других национальных языков, значительно обогатился под благотворным влиянием великого русского языка. В результате этого большинство русских слов, возникших преимущественно в советскую эпоху, составляет общий лексический фонд языков Советского Союза.

II.

Заимствования из русского языка для предметов и понятий, имеющих названия и в башкирском языке, объясняются тем, что речевая практика требует точного выражения мысли и употребления слова с более узким значением или с одним значением. В большинстве своем русские слова, вошедшие в словарный состав башкирского языка, употребляются как термины. Такой процесс идет как в живом разговорном, так и в литературном языке.

Часть такого употребления уже закреплена в литературном языке: некоторые русские слова берутся для дифференциации значения.

Здесь имеются в виду слова русского языка, имеющие два или несколько значений, близких по своему содержанию, которые башкирский язык при заимствовании дифференцирует по значению. Значительная часть русских слов, таким образом, утвердилась в башкирском языке исключительно в их втором или третьем значении, а для обозначения первого (прямого) значения этих слов сохраняется их башкирский эквивалент. Так, например, русское слово *база* принято в башкирском языке со значением местности, в которой сосредоточены военные или промышленные запасы: *авиация базаһы—авиационная база, сырьё базаһы—сырьевая база*, но для прямого значения этого слова—основание или нижняя часть сооружения (архит.)—сохранено башкирское *нигез*.

Блюдо взято для обозначения кушаний: *өс блюдалы төшкө аш—обед из трех блюд*, а для прямого значения—род посуды—оставлено башкирское название *табак, таштабак*. *Вилка* заимствовано с техническим значением (приспособление или какое-нибудь устройство в форме вил), но предмет из столового прибора—*санске*. *Вожатый*—руководитель в пионерском отряде, но проводник, указывающий дорогу, т. е. прямое значение русского слова *вожатый*—*озатыусы, күрһетүсе*. *Воронка*—яма в земле, образовавшаяся от взрыва снаряда, а предмет для переливания жидкости—*буранка* (давно заимствованное из русского языка слово *воронка*). *Ёлка*—украшенная ель в комнате для развлечения детей перед новым годом; но ёлка в обычном значении (*ель*)—*шырыш*.

Употребление русских слов для предметов и понятий, имеющих названия и в башкирском языке, в живом разговорном языке знаменательно тем, что оно показывает, насколько тесно общение башкирского народа с русским народом. Однако русское влияние не является равномерным: оно сильнее сказывается, естественно, в тех местностях, где башкиры ближе соприкасаются с русскими, и слабее там, где это соприкосновение меньше. Но тем не менее башкирский язык пестрит русскими словами не только в культурных центрах, но и в отдаленных башкирских деревнях. И это вполне естественно: новые условия, в которых живет приобщенный к передовой социалистической культуре башкирский народ, породили необходимость в новых словах и выражениях. Русские слова: *партия, коммунист, Верховный Совет, депутат, агитатор, лекция, радио, телефон, колхоз, трактор* и др. стали своими словами.

Нас в данном случае интересует язык населения, непосредственно общающегося с русскими. Русские слова, обозначающие предметы и понятия, имеющие названия и в башкирском языке, нашедшие широкое распространение в живом разговорном языке, связаны с повседневной деятельностью человека: *посев, огород, семена, весовщик, охотник, кенәгә (книга), подпись* и др.

Хотя для всех этих понятий и предметов имеются и башкирские слова, но они употребляются с несколькими значениями или с другим оттенком значения. Например, слово *бакса* употребляется и для обозначения сада и для обозначения огорода, правда, в последнем случае для уточнения значения добавляется слово *йәшелсә (йәшелсә баксаһы, буквально: сад для овощей)*, поэтому для краткости вместо *йәшелсә баксаһы* и употребляют русское—*огород*. Башкирское слово *орлоҡ* обозначает и *семя*, и *семена*, здесь дело не только в единственном или множественном числе, но и в различии оттенков значения; чтобы выразить оттенок, вкладываемый в значение русского слова *семена*, означающего «зерна, предназначенные для посева», в башкирском языке добавляют еще слово «*сәсеу*» (*сәсеу орлоғо*). Естественно,

термин, состоящий из двух слов, не совсем удобен для употребления, поэтому в живом разговорном башкирском языке и употребляют русские слова *огород*, *семена* и др. Для обозначения прямого значения слова *книга* употребляется *китап*, а для обозначения деловой книги — *кенәгә*. Таким образом, употребляя наряду с родными и русские слова, говорящие вкладывают в них только одно значение, т. е. употребляют как термин.

Возможность употребления русских слов в художественной литературе более широкая; это объясняется особыми приемами писателя, стилем, жанром, содержанием произведения.

Возьмем очень распространенное в наше время слово *подвиг*. Это слово башкирским поэтом Р. Нигмати в одном только стихотворении «Көн һайын подвиг яһай ул» («Ежедневно он совершает подвиг») употребляется тринадцать раз, хотя имеется и башкирский эквивалент его (*батырлык*, *ирлек*). Правда, один из этих вариантов *батырлык* поэт тоже употребляет.

Безразлично ли для поэта такое употребление? Безусловно, нет. Самое общее различие в употреблении русского и башкирского вариантов это то, что слово *подвиг* писатель употребляет для передачи понятия в его отвлеченном значении, а слово *батырлык* для передачи понятия в его конкретном значении, для передачи совершенного конкретного подвига:

Ә ул (фронт һызығы — Р. Т.) —
Дурт мен километр ул һәм металл
Подвигтәр һәм сикһез үлемдәр*.

Хәзер
тормош балкый
подвиге һәм
Даны булып безен быуындың*.

Тик һизмәй ул
үзенең йәшәүенен
Иң мактаулы подвиг булғанын*.

Употребление в этих случаях башкирского эквивалента *батырлык* не передало бы всего содержания, вкладываемого в слово *подвиг*, которое означает «доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях»¹.

С другой стороны, совершенно уместно употребление слова *батырлык* в следующих случаях, где говорится об определенных, конкретных подвигах:

Ул эшләне үзенең батырлығын
Бейек Ватан, Сталин хакына*.

Йыр, поэма һәм легенда булып,
Үлмәй йәшәр ошо батырлык*.

*Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова.

Значение заимствованного слова более конкретно, более узко, так как слово из другого языка берется обычно как термин. Так, например, башкирский эквивалент слова *подвиг* — *батырлык* в башкирском языке означает и героизм, и героизм, и храбрость, и решительность, и смелость.

Еще больше не подходит для передачи содержания слова *подвиг* второй его вариант *ирлек*, что является эквивалентом русского слова *мужественность* и имеет значения: *храбрость*, *удальство*.

Вот эта многозначность слова и мешает иногда употребить его с нужным значением в определенном контексте, и тогда приходится на помощь заимствованный его вариант, выступающий в данном случае с одним значением. Поэтому такое частое употребление поэтом Р. Нигмати слова *подвиг* является естественным.

Һәм ул
бер касан да юйылмаслык,
Опотожласлык подвиг эшләпте,
Бағышлары Вася был подвигте,
Үзен герой иткән халкына*
Һәр атламың ата,
Матросовтың
Бөйөк подвигенә тиң булды*.

Ниг в одном из этих примеров башкирский эквивалент *батырлык* или *ирлек*, конечно, не подходит, и во всех этих случаях слово *подвиг* употреблено вполне удачно и уместно. Однако у Р. Нигмати имеются случаи употребления этого слова с сужением значения, заключающемся в переходе от более общего значения к более частному, например:

Ләкин һизмәй үзе
Роман укыу,
Енеү кеүек, подвиг икәнде*.
Ләкин белмәне ул
кыззы үбей
Йәшлектәге подвиг икәнде*.
Егет, подвиг итеп,
Урын биреүенә һөйөндө*.

Во всех этих примерах значение слова *подвиг* сужено: читать роман, целовать девушку, уступить место в трамвае женщине, разумеется, не является каким-то подвигом. Для этих примеров не подошел бы и башкирский эквивалент *батырлык*, следовательно, здесь речь идет не о русском или башкирском варианте слова, а о содержании самого понятия, вкладываемого в эти слова.

Встречается также употребление слова *подвиг* с расширением значения, выражающегося в переходе от частного значения к более общему, например:

Халкым, хатта кескәй эштәрзә лә
Оло подвиг яһай көн һайын.

Сәғәт эсендәге *подвиге* лә
 Роман биттәренә һыймай ул.
 Таузар актарырыҡ нәғрәт йөрөтөү—
 Бөйөк *подвиг* икән, дус—иштәр*.
 Кояш кеүек кайнар һөйөү йөртөү—
 Бөйөк *подвиг* икән, дус—ишем*.

(эти примеры взяты из стихотворений, написанных во время Отечественной войны. Здесь речь идет о ненависти к врагу, о любви к Родине).

Широкое употребление русских слов в башкирской художественной литературе характерно также для других писателей. Употребление руссизмов, конечно, в основном является уместным. Речь идет здесь не о вошедших в словарный состав башкирского языка руссизмах типа: *завод, землемер, слесарь, стена, заказ, спектакль, пьеса, семья, квартира* и т. д., а о русских словах, имеющих башкирские эквиваленты, например, *налет, настроение, приключение, портовый, воин, двор, чтец* и др. Большой частью они, конечно, берутся из-за отсутствия башкирского эквивалента для передачи данного понятия, вполне точно отвечающего значению и оттенкам русского слова. Например: «Наркомпрос тарафынан поощренеләр, мактау грамоталары, премиялар алыу тураһында бик йыш уйлай ул» (Кирәй Мәргән, «Экспедиция») — «Он очень часто думает о получении от Наркомпроса поощрений, похвальных грамот, премий». Здесь автор вместо «наркомпрос» мог употребить его башкирский эквивалент «Мәғариф Халк Комиссариаты», однако, употребление и русского слова до некоторой степени оправдывается тем, что оно в русском языке бытует в сокращенном виде, и очень распространено такое употребление его в башкирском языке. Для передачи полного значения слова *поощрение* недостаточно употребления ни одного из имеющихся его эквивалентов: *кызыктырыу* больше соответствует русскому *заинтересовать*; *күңелләндереу* — *веселить, поднимать настроение*, а *дәртләндереу* — *бодрить, одухотворять, воодушевлять*. Как видно, все эти слова не передают основного содержания слова *поощрить*, означающего побудить кого-нибудь к чему-нибудь путем содействия, покровительства, одобрения. Повидимому, поэтому писатель и употребил это слово. Что касается слов *грамота* и *премия*, то они приняты в башкирском языке: *грамота* в значении официального документа, *премия* — в своем прямом значении, хотя иногда и употребляют *бүләк*, но это не *премия*, а *подарок*.

Русские слова также употребляются для стилизации, для создания образности. Так, например, у поэта Р. Нигмати мы находим:

Кипаристар
 Смирноға басып,
 Шак катышып карап калдылар*.
 Сафтарығыз кеүек,
 Смирноға басты
 Бетә Союз,
 Бетә ер шары!*

Детсадтарҙың шаулы балаларын
 Күргәндәҙер унын уйҙары*.
 Шул мөхәббәт
 Бында насып өйзө,
 Шпал теззе насып өстөнә*

Следует отметить, что такое смелое привлечение русских слов башкирскими писателями не является чем-то неестественным, хотя для многих из них имеются башкирские эквиваленты.

Таким образом, русские слова наряду с обогащением словарного состава расширяют и стилистические возможности башкирского языка.

Общезвестно, что процесс развития языка не может обойтись без заимствований, но не нужно употреблять иноязычные слова, когда имеются с таким же значением свои слова. Увлечение «чужими» словами должно быть ограничено. Иноязычные слова необходимы лишь в том случае, когда они не поддаются переводу. Примеры таких неподдающихся переводу слов, принятых в башкирском литературном языке, приведены в первом разделе настоящей работы. Наряду с этим имеются очень удачно переведенные термины: *надеж* — *килеш*; *следить* — *байкау, күзәтеу*; *ударение* — *басым*; *бдительность* — *уяулык, һизгерлек* и др.

Для обозначения нового понятия, нового предмета мысли часто оказывается два или несколько синонимических слов: наряду со старым названием появляется иноязычное слово, причем последнее иногда одерживает верх над словом не заимствованным, например, *организатор, ойштороусы; сплавщик, иртеүсе; интеллигент, укымышлы, культуралы* и т. д.

Вместе с этим, конечно, в языке имеется неуместное употребление иноязычных слов, т. е. употребление чужого слова совершенно без надобности, при полной возможности заменить его башкирским словом, например, к чему говорить: *Июндең планын җерәтәләтә иттем*, когда можно сказать: *июндең планын тулыһы менән үтәнем*, *по-моему, уғы эшләргә кәрәк—миңеңсә, уны эшләргә кәрәк* и т. д.

Это засорение языка, встречаемое в речевой практике, иногда находит отражение у некоторых писателей. Примером этому может служить такой диалог между директором краеведческого музея и колхозником:

«... Аңламағанһығыз һез, понимаєте? Төшөнөп етмәгәнһегез. Безгә экспонат кәрәк, музей өсөн, понимаєте? Боронго кейемдәр, мәсәлән: сарык, боронго камзул так и далсе.» (К. Мәргән. «Экспедиция»).

Здесь легко можно обойтись без русских слов, они здесь являются «сорняком», тем более они не могут помочь созданию образа директора музея — одного из представителей местной интеллигенции.

По нашему мнению, едва ли будет правильным отражать в литературе такой «искаженный язык», мешающий пониманию смысла речи, хотя писатель это берет для характеристики отдельного персонажа.

Особым приемом обогащения словаря является калькирование русских слов и выражений на башкирский язык. Калька — это «слово, выражение, образованное посредством копирования того способа, которым соответствующее выражение образовано в каком-нибудь иностранном языке, например, *самостоятельный* калька немецкого *selbstständig*, *междометие* — калька латинского *interjection*¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют установить правильное калькирование, т. е. правильную передачу смысла калькируемого слова, выражения, и неправильное калькирование, т. е. искажение смысла слова, выражения при калькировании.

Большинство правильно калькированных русских слов и выражений вошло в башкирский литературный язык и получило распространение в живом разговорном языке, например, *рукопись — кулъязма*, *четырехлетие — бурт йыллык*, *прямоугольник — тура мейәшлек* и др.

Однако не все правильно калькируемые слова и выражения прививаются в литературном языке и получают распространение в живом разговорном языке, например:

«*Был — үзен табырға йөрөгән кәндәрзә артисткаға акыл биреүсе кеше кәрәк ине...*» (Журнал «Әдәби Башкортостан», № 2, 1951, стр. 26). Выражение *үзен табыу* — калька русского *найти себя* — не характерно для башкирского языка, и кальку этого выражения нужно считать неудачной.

Среди удачно калькированных с русского языка выражений особое место занимают пословицы и поговорки, получившие широкое распространение в языке: *Ете кат үлсе, бер кат кис* (Семь раз отмерь, один раз отрежь), *Без кансыкта ятмай* (Шило в мешке не утаишь), *Һыуға баткан һаламға тәтона* (Утопающий хватается за соломинку), *Себеһтә көз һанайзар* (Цыплят по осени считают), *Кем эшләй, шул ашай* (Кто работает, тот ест; в русском языке это выражение известно в отрицательной форме: «Кто не работает, тот не ест»). *Ни сәһнә шуны урырһың*. (Что посеешь, то и пожнешь) и др.

Эти кальки настолько органически вошли в словарный состав башкирского языка, что ничем не отличаются от исконных башкирских выражений.

¹ Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова.

Однако очень часто в современном башкирском литературном языке совершенно некстати калькируют все, что поддается переводу. Нередко такое механическое калькирование искажает смысл слова или выражения. Так, например, *Малый театр* в газете «Совет Башкортостаны» переводится как *Бәләкәй театр*. *Малый* в данном случае вовсе не значит *малый* в таком сочетании, как *малый ребенок*, где действительно русское слово *малый* нужно перевести на башкирский язык, как *бәләкәй* (*малый ребенок — бәләкәй бала*). В переводе же выражения «*Малый театр*» газета искажила весь его смысл, переводчик подошел к переводу богатым содержанием слова *Малый* просто формально, не прочувствовал его, не вник в основное содержание слова и тем самым искажил его значение. По нашему мнению, здесь нужно оставить *Малый театр*, так же, как и *Большой театр*.

Еще большее недоумение вызывает перевод выражения *Красный крест* как *Кызыл тәре*. *Крест* как предмет христианского культа, естественно, не имеет своего названия в башкирском языке, однако выражение *Красный крест*, как название организации для помощи больным и раненым, должно иметь свое название и в башкирском языке, как оно имеет его во многих языках мира. В этих языках в выражении *Красный крест* переводится слово *Красный*, а *крест* берется как в оригинале с небольшими изменениями фонетического характера, например, в немецком — *Rotes Kreuz*, в итальянском — *Croce rossa*, во французском — *Croix rouge*, в английском — *Red Cross*. По нашему мнению, в башкирском языке выражение это должно быть принято, как *Кызыл крест*. А слово *тәре* в башкирском языке имеет другое значение, оно употребляется для обозначения иконы. Поэтому заглавие заметки *Кытай Кызыл тәре җәмәһәтенең мәрәжәһәте*, помещенной в газете «Совет Башкортостаны», весьма неблагозвучно, несмотря на благие цели и дела этой организации.

Как видно, не всякое калькированное выражение может быть удачным, тем более не каждое из них может привиться в языке.

Особенно строго и тщательно нужно подходить к калькированию пословиц, так как при буквальном переводе на другой язык пословица может потерять роль пословицы, т. е. краткого образного законченного изречения, обычно ритмичного по форме. Так, при переводе сочинений И. В. Сталина на башкирский язык весьма удачно приводимые им пословицы и поговорки при буквальном переводе теряют всякую остроту, например, пословицу «*Кто в лес, кто — по дровам*» перевели: *Береһе урманға, береһе утынға*, что в таком виде никак не может выполнить роль пословицы. Необходимо в таких случаях найти соответствующую по смыслу пословицу или поговорку в языке, на который переводится сочинение, например,

эту пословицу можно было бы передать в башкирском языке пословицей: *Берәу мәгрипкә, берәу мәширикә*. Или — в речи И. В. Сталина перед избирателями Сталинского избирательного округа г. Москвы имеется пословица: *Ни богу свечка, ни чорту кочерга*, которую И. В. Сталин приводит для характеристики некоторых депутатов, не оправдывающих своего высокого звания. В прежних изданиях это выражение было переведено буквально: *Аллаға шәм түгел, шайтанға тәртешкә түгел*, что ни в коем случае не передает основного смысла вышеприведенной русской пословицы. В последнем издании эта пословица передана пословицей же: *Ни аллага, ни муллаға*, которая соответствует оригиналу и по смыслу и по форме.

В некоторых случаях соответствие по смыслу и по форме получается и при калькировании.

Так, например, приводимая И. В. Сталиным в его труде «О Великой Отечественной войне Советского Союза» поговорка *«Кому пироги и пышки, кому синяки и шишки»* переведена: *Кемгә кабартма менән бәләш, кемгә кумгәк менән шеш*. При отсутствии соответствующей поговорки в башкирском языке вполне можно удовлетвориться таким переводом. Со временем и это выражение, составленное по образцу русского, станет достоянием всего народа, и не будет чувствоваться его иноязычный характер так же, как, например, в русском языке выражения *быть не в своей тарелке, иметь место*, калькированные в свое время с французского, теперь кажутся «чисто русскими», несмотря на бессмыслицу первого из них. Выражение *быть не в своей тарелке* укоренилось в русском языке с тем же значением, с каким употреблялся его французский оригинал: во французском языке *положение, устойчивость, равновесие, настроение, состояние духа*, а также *тарелка* звучат одинаково *assiette*. Русские при переводе французского выражения *«Он не в духе, не в настроении»* взяли второе значение слова *«assiette»*, и получилось *быть не в своей тарелке*. Также выражение *иметь место* — дословный перевод французского выражения *avoir lieu* (*avoir* — *иметь*, *lieu* — *место*), означающего во французском языке *произойти, случиться*; таким образом, вместо выражения *этот факт произошел или случился третьего дня* получилось: *этот факт имел место третьего дня*.

Однако, по нашему мнению, пословицы и поговорки при переводе по возможности должны передаваться пословицами и поговорками того языка, на который делается перевод, например, поговорку: *«Не до жиру, быть бы живу»*, которую приводит И. В. Сталин в своем докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, вполне можно заменить башкирской поговоркой *Мал кайғыһы түгел, баш кайғыһы*; выражения *от работ полон рот — эш муйындан, прокатить на воронях — Тай мөндөргә*;

пословицу: *Молодец против овец, а против молодца сам овца*, употребленную товарищем Сталиным для характеристики немецко-фашистских захватчиков, — башкирской поговоркой: *Бахыр алдында батыр, батыр алдында үзе бахыр*.

* *

Русский язык, несомненно, обогатил словарный состав башкирского языка и способствовал его более быстрому развитию.

Русская лексика в словарном составе башкирского языка свидетельствует о том, что словарные заимствования особенно ошутимо происходят в те периоды жизни народов, когда они живут более интенсивной жизнью. И действительно, в жизни башкирского народа в годы советской власти произошли такие большие перемены, что никак не могло не отразиться в языке.

Под животворным влиянием русского языка пополняется и обогащается не только словарный состав языков других национальностей Советского Союза, но и расширяются их грамматические средства.

Язык великой русской нации является могучим средством межнационального общения всех народов нашей Родины. На русском языке мыслят и говорят, как на родном, миллионы людей разных национальностей.

Русский язык помогал и помогает многочисленным национальностям нашей страны в создании и развитии их литературных языков. Простота, доступность и вместе с тем образность и красочность русского литературного языка служат образцом того, как надо приближать литературный язык к народной речи.

Мы ценим русский язык именно за его большие возможности передавать мысли и чувства во всей их гибкости, точности и простоте. Простота, строгость и ясность русского языка достаточно высоко были оценены В. И. Лениным, который еще до Октябрьской революции писал: «...язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы... хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки».¹

Сбылись слова великого Ленина: каждый советский человек, какой бы национальности он ни был, стремится овладеть рус-

¹ В. И. Ленин, т. XX, стр. 55—56.

ским языком, языком великого русского народа, создавшего самую передовую в мире социалистическую культуру.

Велико влияние передовой культуры русского народа на развитие культуры других национальностей нашего Союза; также неопределима роль русского языка, как средства общения, орудия борьбы и развития многонационального социалистического государства, в обогащении других языков терминами и выражениями, в которых воплощается новый мир быта и мышления, формирующийся на основе марксистско-ленинской идеологии и связанных с нею новых форм общественной жизни.

Важнейшим звеном в развитии культуры башкирского народа является переводческая работа. В последние годы в Башкирии наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы.

В последние годы в Башкирии наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы.

В последние годы в Башкирии наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы.

В последние годы в Башкирии наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы. Это связано с тем, что в настоящее время в республике наблюдается быстрый рост переводческой работы.

Кандидат филологических наук

А. И. ХАРИСОВ

О ПЕРЕВОДАХ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Издание произведений башкирской советской литературы на русском языке является важным событием в культурной жизни Башкирии. Оно свидетельствует о росте башкирской литературы, что особенно заметно стало после постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, и о ее выходе на всесоюзную арену.

Отмечая успехи башкирской поэзии, «Литературная газета» писала в 1950 г., что «башкирская литература играет роль не только в пределах республики: она выходит на всесоюзную арену, она обогащает великолепную сокровищницу нашего искусства». За последние пять лет в Москве и Уфе были изданы книги стихов Мажита Гафури, Сайфи Кудаша, Рашида Нигмати, Мустая Карима, Ханифа Карима, Байзита Бикбая и Кадыра Даяна (в Ленинграде). Выпущены книги «Поэты Башкирии» и «В защиту мира», ежегодным изданием выпускается альманах «Литературная Башкирия».

Хотя список книг башкирской литературы, изданных в русском переводе, небольшой, так как переводческая работа у нас только что по-настоящему разворачивается, но уже имеющийся опыт позволяет сделать некоторое обобщение работы в этой области.

Неизменное требование, предъявляемое к переводчику с любого языка на любой язык, таково, что по его переводу читатель как можно ближе и полнее должен узнать оригинал. Но это не достигается только правильной передачей общего смысла текста и художественности «вообще». Для этого необходимо передать в переводе все конкретное своеобразие подлинника, художественную индивидуальность автора. Принципы советского перевода, продолжающего лучшие традиции мастеров прошлого, требуют объективности и максимальной полно-

ты в передаче идейно-художественного смысла оригинала, не буквальной, а смысловой и художественной точности в передаче слов и фраз. Полноценный перевод создается в результате творческих поисков переводчика и преодоления целого ряда конкретных трудностей, почему и Пушкин перевод определил как «наиболее трудный род литературы». Успех перевода тем и определяется, насколько переводчик способен на творческое проникновение в подлинник, насколько он стремится передать подлинное звучание автора, преодолевая на этом пути трудности.

Переводчики башкирской литературы, как и всякой другой литературы, в своей работе неизбежно встречаются с множеством трудностей, вытекающих, главным образом, из своеобразия грамматического строя языка оригинала — башкирского языка — и русского языка, на который переводится произведение. Вполне понятно, что произведение, созданное на одном языке, не может быть механически точно, дословно воссоздано средствами другого языка, потому что каждый язык имеет свой, присущий ему грамматический строй, «выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка»,¹ и свой основной словарный фонд. А «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд, — указывал И. В. Сталин, — составляют основу языка, сущность его специфики».²

Преодоление трудностей, неизбежно встречающихся в переводческой работе с башкирского языка на русский, для наших переводчиков усложняется тем, что все они переводят произведения башкирской литературы, не зная башкирского языка, переводят не непосредственно с языка на язык, а исключительно с помощью подстрочного перевода. Работа переводчика, выполненная через посредство другого переводчика, не всегда дает желаемый результат. Переводчику, не знающему языка оригинала, очень трудно распознать специфические особенности башкирской поэтики и трудно уловить индивидуальные качества оригинала, обусловленные неповторимостью творческого облика переводимого автора.

Тем не менее, изданные на русском языке книги и сборники башкирской литературы показывают, что большая часть переводчиков стремилась дать перевод, близкий к подлиннику, старалась воссоздать оригинал с сохранением его идейно-художественных особенностей, допуская, конечно, различные отклонения от словарно-буквальной точности в целях достижения точности идейно-смысловой и художественной. Лучшие переводы башкирской поэзии принадлежат поэтам-переводчикам П. Шубину, С. Липкину, В. Луговскому, Л. Мартынову, М. Дудину, А. Недогонову, В. Тушновой, В. Потаповой.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 21.

² Там же.

И. Сидоренко, А. Ойслендеру, Б. Турганову, В. Цвелеву, С. Обрадовичу, Я. Шведову и др. Примером максимальной идейно-художественной точности перевода может служить стихотворение Мажита Гафури «Ленинизм — мой маяк» в переводе Л. Мартынова.

Бывало, правда, что мой шаг
Скользил в твоём болоте, жизнь,
Но путеводный мой маяк
Нашёл я. Это — ленинизм.

В оригинале:

Дөрөс, кай сак тормош баткагында
Тайгыланы минең аягым.
Ләкин бик тиз табыл алдым
Һүнимәс ленинизм маягым.

Хорошими образцами переводческого искусства с башкирского на русский язык можно назвать также переводы стихотворений Мажита Гафури: «Я вышел на базар», «Клятва», «Дай руку», «Вывранные страницы»; Сайфи Кудаша: «Сталину привет» (в переводе В. Потаповой), «Перчатка», «Косят луг», «Ленин и боец», «Золотой колос», «Слово о старшем брате», «Баллада о ключе».

На высоком профессиональном уровне переводы стихотворений М. Карима, сделанные М. Дудиным и В. Тушновой в книге «Цветы на камне». Много удачных переводов в сборниках стихотворений и других поэтов.

Но, к сожалению, не все лучшие переводчики до конца придерживаются принципа наиболее полной и правильной передачи оригинала, нередко грешат против подлинника, отклоняясь от него и «дописывая» от себя.

Одно из основных требований, предъявляемых к переводчику, — историческая объективность, чувство времени и исторических условий, при которых создавался оригинал. Принципам советского переводческого искусства враждебны всякого рода фальсификации подлинника как в идейном, так и в поэтическом отношении. Переводчик не должен стараться ретроспектировать современность в прошлое. Непонимание этого привело отдельных переводчиков к искажению правды об авторах. Переводчики, переведшие ранние стихотворения М. Гафури и С. Кудаша, слишком революционизировали их мировоззрение и взгляды. Гафури в стихотворении «В дни свободы», написанном в 1905 году, говорит: «Все мы должны прислушиваться к полезным словам тех, кто много знает». В этом есть соединение исканий молодого Гафури с еще непреодоленной им политической расплывчатостью. А. Шпирт же переводит эту фразу, придавая ей иное идейное звучание:

Но слово одного из тех,
Кто был в огне борьбы,
Дороже множества других —
Пускай красивых — слов.

Переводчики Я. Городской, В. Потапова, Е. Шумская и др. до того «подправили» поэта С. Кудаша, что он перестал быть таким, каким был до революции, в своем раннем творчестве, — превращен в революционного народного поэта, воспитанного в духе большевизма и закаленного в борьбе против царского самодержавия. Это проступило и в тех переводах, которые более или менее близки к оригиналу. Так, например, в оригинале: «Юл ярып золмат әсендә күпме якты эзләнем» (сколько я искал света, пробираясь сквозь тьму) в переводе: «С жестокою жизнью в борьбе, верный пути своему, в поисках светлого дня, я пробирался сквозь тьму» («Звезда»); в оригинале: «Ләкин һис бер ала алмастар мөхәббәт вә вижданымды!» (но никогда не отнять у меня мою любовь и совесть), в переводе: «но любовь мою к народу никогда не погасить!» («Никогда»); в оригинале: «... қасап күнеленде гәм, хәсрәт солғаһа, бына шул сак ал да мойло сазынды, сиртеп ебәр...» (когда на душу твою наступит печаль-тоска, тогда возьми свою лиру и по струнам рукою проведи), в переводе: «Когда... черной тучею беда весь мир затмит... тогда склонись, певец, над лирою заветной, по струнам смолкнувшим рукою проведи» (стих: «По струнам рукою проведи»).

Переводчики допускали серьезные ошибки особенно тогда, когда ими сознательно идеализировались личности поэтов, когда они теряли чувство меры в оценке их роли. Так поступили поэты Я. Городской и Е. Ильина в отношении к Гафури и Шевченко в стихотворениях С. Кудаша «Голос Гафури» и «Ночные думы», написанных в годы Великой Отечественной войны. Городской, решив «усилить» образ Гафури в стихотворении С. Кудаша «Голос Гафури», пишет от себя, что «молнии его (Гафури) стихов к победе освещают путь», а Е. Ильина вторит Городскому, «приподняв» в свою очередь образ Тараса Шевченко, правильно изображенного в другом стихотворении С. Кудаша («Ночные думы»). Она пишет: «Но рукою отца ведет нас, как прежде, Тарас», в Великой Отечественной (войне!).

Бесспорно, патриотические стихи и Шевченко, и Гафури воодушевляли советских воинов, но зачем же понадобилось переводчикам преувеличивать роль этих и без того великих поэтов?

В силу различия языков башкирского и русского, в переводе допускается и не может не допускаться некоторое отклонение от оригинала, известная вольность. Но все это должно быть в пределах поисков художественно равноценных оригиналу средств выражения, при обязательной зависимости переводчика от оригинала. Измена оригиналу начинается там, где переводчик забывает о рамках вольности и чувствует себя независимым от оригинала. Отсюда и отсебятина, дописки за автора, обезличивание его.

В этом заключается главный порок в работе многих переводчиков башкирской поэзии.

Если сравнить качество переводов книг башкирской поэзии, то, пожалуй, больше всех из переведенных поэтов не повезло Рашиту Нигмати. Очень немногим поэтам-переводчикам удалось (и то не всегда) творчески проникнуть в его поэзию. Переводы произведений Нигмати, включенные в его книгу «Во весь голос», по своей идейно-поэтической силе далеко неравноценны оригиналу. Нигмати звучит в переводе гораздо слабее, чем в подлиннике. Переводчики в ряде случаев пошли по пути изложения сути стихов поэта, не особенно стараясь донести до читателя их в художественном выражении. Многие композиционно целостные стихотворения Нигмати подверглись переводчиками ненужным сокращениям. Опускались обычно те места, которые трудно поддавались переводу. Потеряли из-за этого свою идейную стройность и поэтическую выразительность стихотворения «Прекрасны долины Белой» в переводе П. Шубина, «В Москве, на Красной площади» в пер. А. Шпирта и др.

Поэма «Большевик» — одно из лучших произведений башкирской поэзии — представлена в книге Р. Нигмати «Во весь голос» только в отрывках, мало связанных между собою. Поэтому поэма в переводе (А. Шпирта) не дает целостного и полноценного представления об образе большевика, борца и строителя. Отрывки порою снижены переводчиком до уровня сухих сообщений о наших успехах и достижениях. Шпирту не удалось художественно перевоплотить это сильное поэтическое произведение.

У Нигмати читаем:

... һәм бына ул:
 Ғайәт оло карта.
 Сталин басып тора яһиңда,
 Госплан цифрҙары
 қызыл, зәңгәр
 һәм ал уттар булып кабына.
 Зал һокланған һәм
 тып-тынып калған,
 Кул артынан эйәрә күп күзәр:
 Партияның ышаныслы кулы
 Күсеп йөрөй карта естөңдә.

У переводчика:

... Вот она
 Сверкающая сказка.
 Карта Родины
 В цветных огнях.
 Сталин водит медленно указкой,
 Карта загорается впотьмах (?).

Откуда пришло слово «впотьмах»? Читаем дальше:

Шумный зал в строительном азарте.
— Вот гора! Пустыня!..
Вот река!..
И перемещается по карте
Партии перная рука.

Ничего подобного в оригинале нет. Здесь волей переводчи-
ка не только снижено художественное достоинство оригинала,
но и искажена идея автора. Нигмати подчеркивает, что весь
зал в торжественной тишине, все с напряженным вниманием
следят за тем, как надежная рука партии — товарищ Сталин
водит медленно указкой по карте. А у переводчика наоборот:
шум и возгласы, «строительный азарт».

Та же печать несерьезного отношения к оригиналу лежит
и в некоторых других переводах Шпирта. Таков, например,
перевод одного из значительных произведений Нигмати «В
Москве, на Красной площади». Неотточенный, невыразитель-
ный язык и часто встречающиеся выдуманные переводчиком
образы отличают перевод этого стихотворения. Небрежное от-
ношение к слову, к фразе встречается у Шпирта очень часто.

Шпирт пишет:

...Мой край родной!
Разве не Москва твоих малюток
Грудью защитила в битве злой?
Нет, они к тебе не прикоснулись,
Он не тронут, твой седой Урал.

Невозможно здесь понять, что к чему „прикоснулось“!

Переводчики стихотворений Р. Нигмати мало старались
сохранить самобытность поэта, его поэтическую манеру, его
системы образов.

Много примеров невнимательного отношения переводчиков
к оригиналу и их небрежной работы над языком и художест-
венной формой можно было бы привести и из других книг.
Ограничимся только немногими фактами из книги переводов
Х. Карима «Песни радости».

В стихотворении «Ржевский лес», в котором описывается
картина фронтовых будней, есть такое четверостишие: «Как
раненый зверь, лес завыл и поднялся на дыбы. К небу взмет-
нулась черная земля, забившая как фонтан нефти».

В переводе М. Шехтера последние две строки оригинала
вступают в прямом значении и звучат глупо:

Израненным чудовищем завыл,
Лес задрожал, и раскатился гул.
Всю землю вздыбив, злых ветров порыв
Ломал цистерны (!), в небо нефть взметнул.

У Карима — боевой эпизод: от взрыва снарядов «взметну-
лась черная земля, забившая как фонтан нефти».

У Шехтера — неумная фантастика: в дремучем лесу злые
ветры, «всю землю вздыбив», ломают цистерны, неизвестно
откуда взявшиеся, и взмечают нефть в небо!

В переводах стихотворений Х. Карима, представленных в
той же книге, есть много и других неуклюжих выражений.
Например: «Друзья, плечо к плечу проводившие поход» («Идя на
пост», пер. Н. Сидоренко), «Дубравы... лавиной поднялись»
 («Из блокнота», пер. Б. Шумская), «На тарабарском языке кри-
чат», «Как воскресший труп» («Богатырь», пер. М. Шехтер). В
переводе стихотворения «Осень», сделанном В. Гинцбург, «се-
мена... цветут, благоухая», что, конечно, не снилось и самому
Мичурину.

В 1951 году вышел в свет сборник стихотворений поэтов
Башкирии «В защиту мира». Это отрадное явление в нашей
поэзии. Книга в целом дает нам живое ощущение силы ми-
рового движения борьбы за мир. Половина книги переведена
Н. Миловановым, другую половину составляют главным обра-
зом переводы, перепечатанные из других книг, и стихотво-
рения русских поэтов Башкирии.

Николай Милованов, как показывают его многие перево-
ды, способный переводчик. Но в то же время он — переводчик
очень неровный: одного и того же поэта в одном случае пе-
реводит хорошо, а в другом — плохо. Очень хорошо перевел
он стихотворения: «Мир победит войну» С. Кудаша, «Танк
стоит на площади» Г. Амири, «Молебствие палача», «Мы сто-
ронники мира» Р. Нигмати и др. Жаль, что не все переводы
на таком уровне.

Перевод стихотворения Гафури «Слово вождя» (в оригинале:
«Доклад товарища Сталина»), которым открывается книга «В
защиту мира», сделан так, что в нем ничего не осталось от
подлинника. Достаточно сказать, что 13 четверостиший Гафури
Н. Милованов превратил в 4. Он свел стихотворение Гафури
к голой риторике, ограничив его только лишь одной деклара-
цией, в то время как ценность стихотворения М. Гафури за-
ключается в непосредственности возникающих у поэта мыс-
лей, пробужденных докладом товарища Сталина на XVII
партийном съезде, и в правильной оценке международного по-
ложения. О конкретной исторической обстановке, в которой
проходил доклад, Н. Милованов вообще не говорит, даже
совершенно не упоминает о XVII съезде партии. Милованов
не перевел Гафури, а написал новое стихотворение по мотивам
Гафури.

Безответственное отношение к оригиналу и самовольнича-
ние привело переводчика к подобному сочинительству.

Факты неоправданных отклонений от оригинала, искаже-
ния мыслей и образов автора наблюдаются и в некоторых дру-
гих переводах Милованова. Так, например, Х. Карим в сти-
хотворении «Советский человек» говорит о герое: «Он строит,

украшает солнечный мир». Милованов это свел к тому, что герой Карима «любит солнце». В своем стихотворении «Наши подписи» С. Кудаша говорит прямо и ясно: «Я подписался для того, чтобы на земле был мир, чтобы запретить применение атомной бомбы». Милованов же затемняет уместный в данном случае «любовой» подход поэта к теме и пишет: «Я поклялся: не бывать земле в огне! Пусть никто не сомневается во мне». А удачный и яркий образ С: Кудаша — «воззвание, подписанное миллионами, превратилось в железные удила, которыми мы обуздаем поджигателей войны» — оказался незамеченным и опущенным переводчиком.

Остановимся на переводах сборника «Поэты Башкирии» (уфимское издание) и альманаха «Литературная Башкирия», выпуск 2.

В сборнике «Поэты Башкирии» выделяются переводы стихотворений: С. Кудаша — «Песня о Сталине» в переводе Я. Шведова, «Баллада о ключе» в переводе В. Тушновой, М. Карима — «Комсомольский билет» в переводе М. Дудина, «Дождь» в переводе А. Недогонова, «Я девичью песню слышал» в переводе В. Тушновой. Все эти переводы и некоторые другие, стоят в ряду подлинно творческих работ поэтов-переводчиков. Ценность работы этих переводчиков заключается в том, что они правильно и умело воссоздали оригинал в его идейно-художественной полноте, добиваясь при этом соответствия перевода подлиннику в целом и в частности, стремились соблюдать жанровое своеобразие и ритмические свойства оригинала. Это особенно удалось поэтессе Веронике Тушновой. Она, переводя «Балладу о ключе» С. Кудаша, которая как бы дописывает известную поэму Лермонтова «Три пальмы», сумела уловить и передать повествовательный характер произведения:

Под старой березой, на склоне крутом
Ручей пробирался, журча...

или:

Года проходили. Джигит постарел.
А ключ, как всегда, молодой,
По склону бежал и попрежнему пел,
И брызгал студеной водой.

Стихотворение М. Карима «Я девичью песню слышал» переведено Тушновой с соблюдением ритмической особенности подлинника. Сравним хотя бы первую строфу перевода с оригиналом:

Свет заката разлился
По облакам...
Где-то песню пела девушка
С Балкан.

В оригинале:

Күк ситенә көзгә кош
Батканда,
Кыззар йырын ишеттем мин
Балканда.

В сборнике «Поэты Башкирии» и в альманахе «Литературная Башкирия» помещено около 50 стихотворений башкирских поэтов в переводе В. Филова.

Если не считать более или менее удачные переводы стихотворений «Плоты», «Буран», «Ночные думы», «Ночная тишина», «Весна» С. Кудаша и «Ночной Урал» К. Даяна, все остальные переводы башкирской поэзии, сделанные Филовым, не выдерживают критики. В. Филлов, как показывают его переводы, не считается с рамками вольности и чувствует себя независимым от переводимого произведения. В результате он искажает не только стихотворения переводимого поэта, но и самую его поэтическую физиономию. Переводя Салавата, Гафури, Кудаша или другого поэта, Филлов рекомендует читателю не их, а самого себя.

Возьмем стихотворение «Капитализма мир рушится в прах», которое в переводе Филова приписывается Мажиту Гафури. В самом же деле нет никаких признаков, по которым можно было бы считать, что это стихотворение принадлежит М. Гафури. У Гафури не было стихотворения под таким названием, и по «переводу» нельзя установить, какое именно произведение Гафури преподнесено читателю под таким названием в искажении Филова. Здесь даже слово «искажение» не подходит: искажение так велико, что невозможно узнать, что именно искажено.

Сравнивая оригинал другого стихотворения М. Гафури на политическую тему — «За океаном» с переводом Филова, видишь, как мысль классика башкирской литературы, пылливо обращающаяся к политическим темам и образам, претерпела фальсификацию. У Гафури мы читаем об Америке:

Уйлаһак без, Америка һәк шулай...
Мең вә миллиондан бере данлыклы бай.¹

Вместо этого переводчик Филлов сочинил совершенно другое, ничего общего не имеющее с текстом Гафури:

В борьбе за качество собачьих племб
Придуман курс наук и создан диплом.

Также крайне безответственно переведено Филовым одно из лучших стихотворений Гафури «Доклад товарища Сталина». Переводчик совершенно исказил оригинал, внося в произведение иные понятия, иное содержание. В переводе исчез повествовательный тон оригинала и партийная объективность Гафури

¹ Смысловой перевод: на каждого знатного богача приходится тысяча и миллион бедных в Америке.

в оценке и изображении событий времени в свете доклада И. В. Сталина. На первый план стихотворения выступает «я» переводчика («я чувствую», «я вижу», «я озарен»), навязанное им поэту.

Таким же произвольным методом перевел Филов и другие произведения М. Гафури.

Вывод может быть только такой: стихотворения классика башкирской литературы Мажита Гафури в переводах Филова искажены до неузнаваемости, Филов обезличил Гафури, подогнал его мысли и образы под свой шаблон.

Потеряли свой поэтический облик и превращены в новые, низкопробные (а зачастую идейно ошибочные) и примитивные сочинения также стихотворения многих других поэтов в переводе Филова — С. Кудаша, Р. Нигмати, М. Карима, А. Валеева, С. Кулибая, Н. Наджми и др. Это можно было бы показать на множестве фактов. Для иллюстрации приведем только два небольших примера.

Поэт Н. Наджми в своем широко известном стихотворении «Котелок», переложенном композитором Исмагиловым на музыку, говорит устами простого колхозника-фронтовика, что «я с тобою, котелок, прошел огни и воды. И сейчас, в мирные дни, ты при мне, когда я на отдыхе после полевой работы».

Тыуган ер һыузарын эсәм,
Һыуһаған сактарымда,
Ялга луктағанда күрәм:
Һин һаман яндарымда.

Филов же перевел по-своему:

Умолк мой трактор. Полдень. Зной.
Лежу на ниве родной.

Другой пример.

Стихотворение М. Карима «Каменщик» («Солдат») в произвольном переводе Филова начинается следующим четверостишием:

Полмира прошел я. Сдержал я присягу.
Берлин пал, и Кенигсберг наш.
Солдатскую снял я винтовку и флягу,
Я снял боевой патронгаш.

Помимо того, что ничего подобного нет в оригинале, при чтении получается, что за Берлином «Кенигсберг наш» тоже «пал», или: Кенигсберг стал нашим только после падения Берлина.

Это же стихотворение хорошо и точно, почти в буквальном соответствии с оригиналом переведено Е. Николаевской и И. Снеговой в книге Мустая Карима «Цветы на камне»:

Полмира прошел я, советский солдат.
И снял патронгаш, боевой автомат.
И флягу отбросил... Земля в тишине...
Но все еще порохом пахнет шинель.

Талантливые поэты-переводчики Москвы и Ленинграда делают большую и исключительно важную работу в деле пропаганды и популяризации произведений башкирских советских поэтов, переводя их на русский язык и предоставив тем самым возможность читателю ознакомиться с башкирской литературой. Однако следует пожелать нашим переводчикам, чтобы они больше стремились соблюдать художественное своеобразие оригинала, поэтическую индивидуальность автора. Этого требовал еще В. Г. Беллинский. «В переводе из Гете, — писал он, — мы хотим видеть Гете, а не его переводчика. Если бы сам Пушкин взялся переводить Гете, мы и от него потребовали бы, чтобы он показал нам Гете, а не себя».

Воспроизводя весь своеобразный башкирский оригинал, язык перевода в то же время должен быть полноценным, полнокровным русским литературным языком. Стихотворный перевод по своему языковому качеству должен быть не ниже уровня оригинального произведения на русском языке. Однако не все переводчики с этим считаются.

Хороший, полноценный перевод — это плод работы переводчика, владеющего подлинным переводческим искусством. Советский читатель не делает никакой скидки на то, что данный перевод сделан не по-настоящему, сделан переводчиком, не знающим башкирского языка, или по плохому подстрочнику.

За качество перевода в наших условиях несет ответственность не только переводчик, но и переводимый автор. В большей мере за это отвечают Союз советских писателей Башкирии и издательства, которые до сих пор относились крайне нетребовательно к переводчикам. Союз писателей ограничился только организацией переводов, а вопрос о их качестве никогда не был предметом широкого обсуждения. Руководство Союза, как и сами поэты, были довольны только тем, что произведения башкирских писателей выходят на русском языке, и не придавали значения тому, кем они переводятся и как переводятся. Поскольку существовало такое безразличное отношение к переводчикам и к качеству переводов, то и, естественно, не культивировалась и не поощрялась добросовестная, плодотворная работа талантливых переводчиков и не было какого-либо препятствия для появления низкопробных или просто негодных переводов.

Не стало еще обязательным правилом авторизирование переводов. И это очень отрицательно сказалось на переводческой практике. На русский язык должны переводиться только лучшие произведения, и каждый перевод должен быть авторизован, т. е. одобрен автором и разрешен в печать. Институт

истории, языка и литературы несет прямую ответственность за переводы произведений основоположника башкирской советской литературы Мажита Гафури, за фальсификацию его творчества отдельными переводчиками.

Одним из основных, жизненных вопросов развития башкирской советской литературы является подготовка и выращивание переводческих кадров. Надо сказать, что среди большого количества одаренных поэтов-переводчиков, привлеченных к переводу башкирской литературы, нет еще таких, которые специализировались бы по переводу башкирской поэзии, башкирской прозы. Часто неудача в нашей переводческой работе получается потому, что одного и того же поэта переводят очень много людей. Так, например, книгу стихов Гафури объемом в 5 печатных листов переводили 23 человека, на каждые 4 стихотворения приходится 1 переводчик. Книга стихов Х. Карима объемом 3 печатных листа переведена 13 поэтами, на каждые 3 стихотворения приходится 1 переводчик. Для пользы дела лучше иметь десять специализированных и постоянных поэтов-переводчиков, чем пятьдесят временных и случайных. Начиная Дудина и Милованова специализироваться по переводу башкирской поэзии должно быть всячески поддержано.

Очень плохо обстоит дело с подготовкой местных переводческих кадров. У нас должны быть свои, местные высококвалифицированные переводчики, работающие не только посредством подстрочников, но и переводящие непосредственно с башкирского языка на русский. И надо больше стремиться к тому, чтобы книги башкирских писателей были переведены и изданы в Уфе, а не только в Москве.

Большую роль в повышении качества переводов должна сыграть литературная критика. Однако наша критика совершенно не занимается проблемами переводов, не дает оценки работы переводчиков.

Великая русская литература обогащает литературу братских народов, приобщает их к великим культурным ценностям, обогащаясь в свою очередь в творческом общении с братскими литературами. Чем скорее будут устранены недостатки и ошибки в деле перевода образцов башкирской литературы на русский язык, тем большим будет вклад наших переводчиков в сокровищницу многонациональной социалистической культуры советского народа.

З. Г. ШАРКИ

К ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(1918—1920 гг.)

Гениальные труды великого вождя народов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Экономические проблемы социализма в СССР» служат неоценимым руководством в разработке истории и теории литературы и искусства.

Решения XIX съезда Коммунистической партии потребовали от работников литературы и искусства преодолеть отставание литературы от жизни, дать произведения, которые отвечали бы возросшим требованиям и эстетическим вкусам нашего народа. Разработка насущных вопросов теории и истории литературы должна содействовать росту нашей многонациональной советской литературы. Пути к этой цели указаны в решениях XIX съезда нашей партии.

С каждым годом ширится круг исследований башкирской советской литературы. В настоящее время Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР вплотную подошел к разработке истории башкирской советской литературы. Рекомендуемая вниманию читателей статья является первым опытом исследования истории башкирской советской литературы периода гражданской войны.

1.

Октябрьская социалистическая революция открыла целую эпоху образования и развития в нашей стране социалистических наций, в том числе и башкирской.

В. И. Ленин и И. В. Сталин с первых дней Советской власти непосредственно руководили всей сложной работой по раз-

решению национального вопроса в Башкирии. В результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики образовалась Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика. Этим навсегда был уничтожен колониально-национальный гнет, проводимый в прошлом царским правительством в Башкирии, и заложена политическая основа для экономического и культурного развития башкирского народа.

Советская власть развязала ранее скованные капитализмом творческие силы народных масс и привлекла их к новому культурному строительству.

В. И. Ленин отмечал, что «Снизу», т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему».¹

На первых этапах строительства башкирской национальной культуры В. И. Ленин и И. В. Сталин считали первоочередной задачей создание башкирского литературного языка, ибо в советском обществе культура различных национальностей, единая по своему социалистическому содержанию, развивается в разнообразных формах на их родном языке.

По инициативе И. В. Сталина, возглавлявшего Народный Комиссариат по делам национальностей, в мае 1918 г. было создано в Москве специальное совещание ответственных работников коммунистов — башкир и татар — по вопросам башкирского языка и литературы.²

Вскоре после образования Башкирской АССР была создана Центральная башкирская комиссия по вопросам башкирского языка во главе с известным государственным деятелем большевиком Шагимом Худайбердиным.

Эта комиссия, руководствуясь решениями X и XII съездов партии по национальному вопросу, к концу периода восстановления народного хозяйства сумела подготовить необходимые кадры и перевести делопроизводство многих государственных и общественных учреждений на башкирский язык.

Коммунистическая партия и Советское правительство в эти годы намечают ряд мероприятий по развитию новой советской литературы. В 1918—1920 гг., наряду с важнейшими постановлениями и декретами Советского правительства о национализации крупной промышленности, банков и железных дорог, публикуется ряд постановлений о печати, искусстве, литературе.

¹ В. И. Ленин, Соч., том 32, стр. 105.

² Материалы Башкирской Республиканской комиссии по реализации башкирского языка: Партагив Башобкома ВКП(б), ф. № 122, д. 192.

Как известно, уже 10 ноября 1917 г. Совнарком РСФСР опубликовал декрет о печати, запрещающий массовое издание «желтой» и «зеленой» прессы. В. И. Ленин, выступая на заседании ВЦИК по вопросу о печати, заявил: «Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала. Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи».¹

Национализируются и выпускаются массовыми тиражами сочинения классиков русской литературы. В январе 1918 г. организуется Государственное издательство РСФСР. Под руководством М. Горького в 1919 г. создается издательство «Всемирная литература». Известная речь Ленина о социалистической культуре на III съезде РКСМ и письмо ЦК РКП(б) о пролеткультах наметили важнейшие принципы литературной политики партии, определяющие характер литературного процесса периода гражданской войны.

Для создания культуры братских нерусских народов огромное теоретическое и практическое значение имело выступление И. В. Сталина в 1919 г. в газете «Правда» со статьей «Наши задачи на Востоке».

И. В. Сталин в этой статье, говоря об отличии восточных окраин от центральных промышленных районов тогдашней России, считал необходимым осуществить следующие конкретные задачи для создания и развития национальных культур:

«1) Всеми силами поднять культурный уровень отсталых народов, организовать богатую сеть школ и просветительных учреждений, развить устную и печатную советскую агитацию на языке, понятном и родном для окружающего трудового населения.

2) Вовлечь массы трудящихся Востока в строительство Советского государства, всячески помогая им создавать свои волостные, уездные и прочие Совдепы из людей, ставших на сторону Советской власти и близких к местному населению.

3) Отсечь все и всякие ограничения, формальные и фактические, унаследованные от старого режима или приобретенные в атмосфере гражданской войны, мешающие развитию максимальной самостоятельности народов Востока по пути к освобождению от пережитков средневековья и разрушенного уже национального гнета.

...Построить цитадель Советской власти на Востоке, поставить социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученных народов Востока, — такова задача».²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 253.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 233—239.

Под руководством ЦК РКП(б), проводя ленинско-сталинскую политику в области литературы и искусства, большевики Башкирии организовали борьбу за выполнение этих директив и постановлений. Были закрыты буржуазные газеты «Вақыт» (Оренбург), «Турмуш» (Уфа), журналы «Дин ва мағишат» и «Шура» (Оренбург), национализированы частные типографии и издательства. В 1919 г. организовалось Башкирское государственное издательство, в распоряжение которого была передана часть полиграфической базы национализированных буржуазных газет и издательств. В этом же году в г. Стерлитамак (столица тогдашней Башкирской АССР) была привезена из Петрограда типография Бураганского со всем полиграфическим оборудованием. Эта типография до революции печатала литературу на восточных языках. Типография была передана в распоряжение Башкирского правительства Петроградским Совдепом в 1919 году в знак благодарности за участие башкирских красноармейских частей в защите колыбели пролетарской революции — красного Петрограда.

Таким образом, для вновь созданного Башкирского государственного издательства была создана сносная по тому времени, полиграфическая база. Началось издание советской башкирской книги и периодической печати. 14 сентября 1919 г. начала выходить газета «Башкортстан, Хэбэрляре» — орган Башобкома РКП(б) и Башревкома. Годом позже стали издаваться в республике и другие газеты: «Яш Юрэк» — орган Обкома комсомола, «Известия Башкирии» — орган Обкома и Башревкома и «Кзыл Батыр» — орган Политотдела Башвоенкомата.

Еще в 1918 году, как только установилась Советская власть в Башкирии, возникли татарские и башкирские издательские коллегии при Оренбургском и Уфимском губкомах РКП(б).

При этих издательствах были созданы специальные комиссии по переводам произведений классиков марксизма-ленинизма и русской классической художественной литературы на башкирский и татарский языки. В эти комиссии были привлечены крупные литературные силы того времени. Так, например, Уфимский Губком РКП(б) привлек М. Гафури в комиссию по переводу основных произведений великого пролетарского писателя М. Горького.¹ Аналогичные издательские органы работали при политотделах 5-й армии и армии Южной группы Туркестанского фронта. Эти армии до освобождения Башкирии от колчаковщины находились здесь и, наряду с очищением территории республики от белогвардейцев, оказали большую помощь башкирской партийной организации в строительстве новой советской башкирской культуры. Эти же политотделы издавали две фронтовых красноармейских газеты «Кзыл Маяк» (орган политотдела Южной группы Туркестанского фронта и

представительства Башкирской Советской республики) и «Кзыл Яу» (орган татарской и башкирской секции политотдела 5-й армии).

Указанные издательства, несмотря на большие организационные трудности, вызванные обстановкой гражданской войны, выполнили в пределах своих возможностей значительную работу. Были изданы труды классиков марксизма-ленинизма: «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Государство и революция» В. И. Ленина, «Советская власть и национальный вопрос» И. В. Сталина, «Программа коммунистической партии». Наряду с произведениями классиков марксизма-ленинизма издавалась художественная литература. Отдельными изданиями вышли: «Интернационал» (перевод Ярлы Карима), небольшой сборник рассказов М. Горького, в который вошли «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Однажды осенью» и др. (в переводе коллектива авторов); книги М. Гафури «Янган юрэк» и «Кзыл байрак», школьная хрестоматия по литературе «Азат мәктәб» в 8 частях (перевод коллектива авторов во главе с М. Гафури), учебник по литературе для школ по ликвидации неграмотности и несколько переводных пьес русских советских писателей («Рабочая слободка», «Борьба за Красный Урал», «История одной забастовки»).

В вышеназванных учебниках и учебных пособиях по литературе, наряду с лучшими произведениями дореволюционного творчества М. Гафури, Г. Тукая, Ш. Камала, большое место занимали произведения русских писателей А. С. Пушкина, М. Горького, А. В. Кольцова.

Все эти мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства явились решающим условием формирования башкирской советской литературы. Они открыли широкий простор творческим силам башкирского народа. Через вновь организованные советские национальные издательства и периодическую печать в строительстве молодой советской башкирской художественной литературы принял активное участие М. Гафури. В литературу пришли также новые силы — С. Кудаш, Гариф Гумер, Ярлы Карим, Шамун Фидан и др. Эта литературная молодежь, возглавляемая зрелым писателем М. Гафури, открыла первую главу истории башкирской советской художественной литературы.

2.

Башкирская советская литература зарождалась под благотворным влиянием русской классической и советской литера-

¹ Эти сведения взяты из отчетов Уфимского Губкома и Обкома РКП(б) за 1920 г. в ЦК РКП(б). Башпартархив, ф. 1, д. 167, стр. 82.

¹ Партархив Башобкома ВКП(б), ф. 1, д. 67, л. 82.

туры и формировалась как часть многонациональной советской литературы социалистического реализма.

В развитии культуры башкирского народа видное место занимает передовая русская культура, в которой были наиболее развиты демократические и социалистические элементы, освободительные традиции. Естественно, что башкирский народ при строительстве новой социалистической культуры опирался не только на свое наследие, но и на великое наследие русской передовой культуры.

А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», характеризуя нашу литературу, говорил, что она с самого начала своего зарождения была высокоидейной литературой, имела огромное общественно-преобразовательное значение для нашей страны.

Советская культура, учил И. В. Сталин, возникла и развивалась как культура социалистическая по содержанию и национальная по форме. Эту особенность можно проследить с первых же лет Великой Октябрьской социалистической революции «...Социалистическая революция, — указывает И. В. Сталин, — не уменьшила, а увеличила количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп? Однако Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие...». «И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей»¹.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция вывела башкирский народ, как и многие другие ранее угнетенные народы, на широкую дорогу и дала ему возможность в дружной семье братских народов создавать свою культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме.

Формирование башкирской советской литературы протекало в условиях острой классовой и идеологической борьбы. Молодые литературные кадры Башкирской Советской Социалистической Республики закалялись и росли под руководством Коммунистической партии, в борьбе с башкирским буржуазным национализмом и различными антисоветскими литературными группировками.

Башкирские буржуазные националисты в 1917 г., после

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 139.

буржуазно-демократической февральской революции, организовали в Оренбурге свою литературную организацию «Тулкын» («Волна»). В этом же году в Оренбурге и в Уфе возникли литературные организации татарской буржуазии «Туплан» («Объединение») и так называемое «Общество литературы, музыки и драмы».

Эти организации развернули в те годы контрреволюционную пропаганду и агитацию против большевиков, революционных Советов и большевистских литературных и издательских организаций. Известно, что башкирские и татарские буржуазно-националистические писатели с самого начала враждебно встретили Великую Октябрьскую революцию. Встав в ряды врагов молодой Советской республики, они с оружием в руках боролись против нее.

Башкирские войсковые части колчаковской армии, обманутые башкирскими буржуазными националистами, поняли, что их повели по ложному пути, 12 февраля 1919 года отказались продолжать вооруженную борьбу против Советской власти и, сложив оружие, перешли на сторону Советов. Буржуазно-националистическое башкирское правительство и его идеологи, боясь быть политически изолированными, под давлением революционных солдатских масс, были вынуждены заявить о признании ими Советской власти. Но это было с их стороны лишь маневром. Маскируясь фразами о верности Советской власти, на деле они продолжали свою контрреволюционную националистическую политику. Они восстановили под новым названием «Кзыл Калям» старую националистическую организацию «Тулкын» и исподтишка занялись подрывной работой против Советской власти.

В то время, когда М. Гафури и вновь пришедшие в литературу молодые творческие силы стремились отразить в своих произведениях революционную перестройку жизни и вели борьбу за сохранение и упрочение завоеваний Великого Октября, буржуазные националисты — «кзылкалямцы» проповедывали аполитичность, формализм и буржуазно-декадентскую теорию «искусство для искусства».

Одной из форм борьбы буржуазно-националистических писателей против политики партии был отказ от современных тем, уход в старину. Это делалось с целью отвлечь трудящихся Башкирии и литературные силы от насущных проблем социалистической революции. Буржуазно-националистические писатели, являясь агентурой кулачества и мусульманского духовенства, идеализировали в своих так называемых произведениях на «исторические темы» патриархально-родовой быт башкир, восхваляли феодалов, ханов, пытались изобразить их как истинных народных героев.

Буржуазно-националистические извращения истории башкирского народа особенно ярко проявились в башкирской драматур-

гии этих лет. В таких, например, произведениях, как «Зюгря Юлдуз», «Ашқадар», «Айхылу», «Башкирская свадьба» замаялась классовая борьба среди башкирского народа, оскорблялось национальное достоинство башкирских трудящихся масс.

Конечно, башкирские буржуазные националисты свою враждебную к советскому строю деятельность не ограничили лишь областью художественной литературы. Они участвовали в организации кулацких мятежей, в злодейских убийствах видных партийных и общественных деятелей.

Коммунистическая партия и Советское правительство, всемерно поддерживая идущих к революции писателей, терпеливо воспитывая их в духе преданности делу рабочего класса, ставили перед местными партийными и советскими организациями задачи развертывания борьбы со всеми враждебными революции литературными течениями.

Башкирская партийная организация, следуя указаниям ЦК РКП(б), вела непрерывную и последовательную борьбу с буржуазно-националистическими предателями и их идеологией в литературе.

Потерпев поражение в борьбе против политики Коммунистической партии и Советской власти, в июне 1920 г. главари буржуазно-националистических писателей сбежали вместе с руководителями валидовской банды к басмачам. С этого момента и прекратила свое существование националистическая литературная организация «Қзыл Қалям». Так закончился первый этап борьбы с буржуазным национализмом, тормозившим формирование башкирской советской литературы.

В башкирской литературе периода гражданской войны преобладала поэзия, а проза и драматургия были еще слабо развиты. В фонде литературы этих лет имеется лишь четыре рассказа Ш. Худайбердина («Белобилетники», «Солдат», «Желание солдата», «Солдатка»), разоблачающие империалистический характер первой мировой войны, три новеллы Шамуна Фидан («Воспоминания молодого рабочего», «Под властью буржуазии», «Молодая работница»), отражающие тяжелую жизнь подростков-рабочих на капиталистических фабриках и заводах, и несколько небольших художественных очерков Ахмета Хабиби, посвященных борьбе за укрепление Советской власти в башкирских и татарских аулах.

У молодой, только что зарождающейся башкирской советской литературы не было еще творческого опыта. Между тем исключительное многообразие явлений первых лет революции и сам ход революции, быстро развивающиеся ее события требовали от писателей немедленного отклика на все запросы революции. Писатели откликнулись на события жизни такими жанрами, как политическая лирика, сатира, агитационные стихи.

Поэзия этих лет, несмотря на неопытность большинства ее кадров, была богата содержанием и характеризуется много-

образием тем. В то время, когда народы России под руководством Коммунистической партии совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и с началом гражданской войны с оружием в руках отстояли молодую Советскую власть от внешних и внутренних врагов, естественно, главной темой поэзии этих лет была социалистическая революция и защита ее завоеваний.

Эта тема всесторонне и наиболее ярко отражена в творчестве основоположника башкирской советской литературы — Мажиита Гафури.

М. Гафури глубоко прочувствовал освободительный характер Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой избавился от духовного порабощения его родной народ. Он наглядно видел, как в ходе революции самые широкие слои башкирского народа включаются в борьбу за новую жизнь, как происходит небывалый политический, трудовой и творческий подъем народных масс.

М. Гафури по направлению своего творчества был подготовлен к принятию идей Великой Октябрьской социалистической революции. В его дооктябрьском творчестве были развиты демократические и социалистические элементы.

Поэтому М. Гафури с первых дней Октябрьской революции был ее пламенным певцом, неутомимым борцом за победу Советской власти в Башкирии и стойким защитником завоеваний Октября.

М. Гафури еще накануне Великой Октябрьской социалистической революции писал стихи, в которых призывал трудящиеся массы к решительной революционной борьбе. Так, например, в стихотворении «Красное Знамя» он говорил:

Погляди: вперед
Красный флаг плывет.
Не под ним ли тьму
Победил народ?

С ним рабочий класс,
Правда только в нем!
Всей земле он стал
Путевым огнем!

Мы шагаем с ним
В наш последний бой,
Мы весь старый мир
Потрясем борьбой!

(Перевод Д. Кедрина.)

Глубоким оптимистическим ощущением действительности отличаются также стихи поэта, относящиеся к периоду гражданской войны. Они вдохновляли бойцов Красной Армии и башкирские трудящиеся массы на борьбу с интервентами и их наймитами — белогвардейцами. В них отражена сплоченность

нашего народа вокруг Коммунистической партии, беспредельная преданность Родине, решимость и твердая воля грудью отстоять Советскую страну. В те тяжелые дни, когда наступал Колчак и захватил часть территории Башкирии, поэт от имени своего народа клялся:

Клинок остер, рука тверда,
Закалена в бореньи грудь.
Рубить врага, громить врага —
Таков мой справедливый путь!
Пока враги родной страны
В крови не лягут, присмирив,
Я не вложу меча в ножны,
Не усиплю свой правый гнев.
(Стих. „Клятва“, перевод Б. Турганова.)

В стихотворении «Татарскому джигиту» поэт призывал народ вооружиться и идти на священную битву с врагами народа.

Отточь свой меч в горах Урала
О заветный камень голубой,
И как ветер утренний неистов,
На врагов ударь, вступая в бой!
(Перевод Шумской.)

Вдохновленный победами Красной Армии, М. Гафури написал ряд стихотворений, в которых восхищался героизмом, мужеством и стойкостью Красной Армии. Стихотворение «Дай мне руку» написано поэтом на тему победы Красной Армии под Царицыном в 1919 г., одержанной под руководством великого полководца и вождя народов И. В. Сталина.

Дай руку, что противника вгоняла
В смертельный страх.
Разрушил ею вражескую крепость
Ты в пух и прах!
(Стих. „Дай руку“. Перевод Л. Мартынова.)

М. Гафури за этот сравнительно короткий срок, как мы уже выше говорили, издал два сборника своих стихов. Кроме того, он напечатал больше 40 стихотворений во вновь организованных фронтовых и тыловых газетах, в которых поэт активно сотрудничал в годы гражданской войны. Эти факты говорят о плодотворной творческой деятельности М. Гафури в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции.

Поэзия М. Гафури этих лет имела большое значение для формирования башкирской советской литературы. Под благотворным влиянием М. Горького и В. В. Маяковского в творчестве М. Гафури наметились основные черты многонациональной советской литературы: партийность, гуманизм, патриотизм.

Эти черты были углублены на последующих этапах развития башкирской советской литературы как самим поэтом, так и младшим поколением башкирских советских писателей. М. Гафури стал основоположником башкирской советской литературы.

В эти годы получило развитие творчество Сайфи Кудаша. Тема Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным этапом в его творчестве. Исчезли из лирики С. Кудаша националистические мотивы, разлад с действительностью, одиночество, грусть и печаль. Вместо них зазвучали жизнеутверждающие мотивы. Поэт нашел в характере советского народа, совершившего Октябрьскую социалистическую революцию, неисчерпаемый источник оптимизма.

В 1918—1920 гг. на литературно-общественную арену выдвинулся талантливый поэт башкирской советской литературы, видный деятель башкирской комсомольской организации Шамун Фидан.¹

Касым Шакирьянов (литературный псевдоним Шамун Фидан) родился в Оренбурге (ныне Чкалов) в 1903 г. в семье кустика пекаря. Отец его Мухамеджан Шакирьянов, будучи активным членом религиозно-клерикального общества «Дин ва магишат», известного своей реакционной деятельностью во всей России, боролся со всем прогрессивным среди татар и башкир города Оренбурга.

Шамун Фидан начальное образование получил в религиозно-схоластической школе этого города. Будучи совершенно неудовлетворенным этой учебной программой, он стремился перейти и продолжить свое образование в медресе «Хусанния», которое было прогрессивным учебным заведением в то время. Но отец на это не соглашался. Он в своем сыне хотел видеть будущего муллу. На этой почве происходили частые столкновения между отцом и сыном. Видя невозможность преодолеть косность отца, Шамун Фидан в 1916 г. ушел от своей семьи. Приехав в Уфу, он при помощи старшего брата поступил учиться в медресе «Галия». Здесь в эти годы учились С. Кудаш и будущий башкирский журналист Г. Ишмаев. Они стали школьными друзьями Ш. Фидан.

Общественно-литературную деятельность Ш. Фидан начал с юношеских лет. После февральской буржуазно-демократической революции, когда ему было только 14 лет, он связался с большевистской татарской газетой «Алга», издаваемой в Уфе. Под руководством этой большевистской газеты и под наблюдением фактического ее редактора большевика-революционера

¹ Деятельность и творчество Ш. Фидан освещается нами подробно потому, что растерзанный классовым врагом общественный деятель и писатель мало известен широким кругам башкирских читателей.

Багау Нуриманова юноша Фидан начал вести агитационно-пропагандистскую работу среди уфимской рабочей молодежи и интеллигенции. В этой же газете было напечатано первое его стихотворение «Долой войну», направленное против антинародной политики правительства Керенского и продолжения империалистической войны.

Шамун Фидан в дни Великой Октябрьской социалистической революции политически вырос и стал одним из видных деятелей уфимской комсомольской организации. Состоя членом Губкоммола трех созывов, он руководил его национальным отделом, был бессменным редактором комсомольской газеты «Яш куч», затем «Яш коммунист». Шамун Фидан — участник гражданской войны. В 1919 г., когда Уфа и часть территории Башкирии были захвачены колчаковцами, он работал заведующим литературным отделом фронтовой красноармейской газеты «Кзыл Яу». Участвовал в нескольких сражениях — под Бугурусланом, Абдуллино. На страницах газеты «Кзыл Яу» печатались многочисленные публицистические статьи и стихи Фидан. Он, как подлинный патриот своей Родины, как писатель-комсомолец, пламенно выступал в защиту октябрьских завоеваний и призывал татарский и башкирский народы грудью отстаивать Советскую страну. Стихотворение «Мой кинжал», «Пусть пылает мой огонь», «Мы идем и идем только вперед» и др., напечатанные в этой газете, имели большое агитационное значение.

Фидан после освобождения Уфы от белых снова вернулся на прежнюю работу. Он по прибытии в Уфу с утроенной энергией взялся под руководством Уфимского Губкома РКП(б) за восстановление комсомольских издательских органов и культурно-просветительных учреждений. Под его руководством снова стала выходить комсомольская газета «Яш коммунист», возобновил свою работу национальный отдел Губкома РКСМ. В эти годы Шамун Фидан вел непрерывную борьбу с пробравшимися в издательские органы буржуазно-националистическими писателями.

Шамун Фидан завоевал своими революционными произведениями, большой организаторской работой и исключительной преданностью делу Коммунистической партии глубокое уважение и горячую любовь среди молодежи. Третий Уфимский губернский съезд комсомола 12 июля 1920 г. снова избрал его членом Губкоммола. На этом же съезде Ш. Фидан в числе других был избран делегатом на предстоящий Всероссийский третий съезд Российской Коммунистической Союз Молодежи.¹ Однако Шамуну Фидану участвовать в работе этого исторического съезда не пришлось. 20 июля 1920 г. он был зло-

¹ Передовица журнала «Яш Эшче» — органа татарской и башкирской секции ЦК ВЛКСМ (№ 12/29), 1922.

дейски убит кулацкими бандами между деревнями Камышино и Подымалово Уфимского уезда, когда поэт ехал в командировку в район Кушнаренково с близким товарищем, также ответственным работником Уфимского Губкоммола, Б. Башмаковым.

Такова в общих чертах биография одного из видных комсомольских работников Башкирии, журналиста и поэта Ш. Фидан.

Шамун Фидан — поэт-лирик. Новеллы Ш. Фидан по своему характеру тоже лирические. В своих стихах и новеллах поэт говорил о мировом значении Октябрьской социалистической революции, о ее героическом пафосе и величии (стихи «Мой кинжал», «Я и рабочий», «Идем вперед», «Пылай, мой огонь»). Правда, в этих стихах было немало абстрактного, схематичного, но в лучших из них Ш. Фидан сумел отразить существенные черты первых лет революции. Приведем его наиболее лучшее стихотворение «Пылай, мой огонь»,

Сеу! Тауыш бар, зир—забәр итә, ии нәмә емерелә?
Ут менән ялкынланып, көслә дауылдар убырыла...
Күр ана! Ялкынланып ут төрлө ялкын балкыта,
Емерелә йорттар, нигеззәр аһ... хараба аңкыта...
Көд була иске биһалар, көл була бар искелек,
Ут яна, ялкынлана, оскон сәсел һәм екеренеп,
Ут яна, уттар менән көлдәй була барлык гөһәп,
Күк төтөндәр менән күккә ашына, баһ да ваһ!
Ут менән бергә каранғы иске тормош емерелә,
Иске тормоштоң янында төрлө дәһшәт убырыла.
Әйзә емерел һин, серек тормош, харабам, фажигәм!
Һин кара тормоштан инде бәтә инсан алыган!
Сәнселеп кит, иске тормош, иске биһа, искелек!
Инде картайзың каранғы, утлы тормош, искереп...
Һин, кара көс, ар тормош, йығыл да, ергә төш!
Ак яңы тормош, хаят күгендә канат лаң да ос!
Ян, утым, яндырып бар искелекте, көлгә әүер!
Инсанят! Иске тормоштан йөзөндө тиз сөйөр!

(Фидан, «Кзыл яу», 1919 йыл, № 23).

Тише! есть шум, что-то рушится, что там разрушается?
Сильные бури бушуют, пылая огнем...
Взгляни! Огонь пылая принимает разноцветные краски,
Разрушаются дома, фундаменты ах... веет (несет) разрушение,
Превращаются в пепел старые здания, превращается
в пепел все старое.

Горит огонь, пылает, разбрасывая искры и воя.
Горит огонь, под огнем превращаются в пепел все грехи,
Голубым дымом высится в небеса, ах да вах!
С огнем вместе разрушается темная старая жизнь,
Около старой жизни бушует сильный страх.
Ай да провались ты, старая жизнь, настал
твой трагический конец!

Ты, мрачная жизнь, уж давно надоела человечеству,
Провались, старая жизнь, старые здания, все старое!

Большие гении увидели дно (суть) этой несправедливости.
Открыли и показали всем рабочим их бытие.
Зажгли свечу миру, свечу никогда не угасающую,
вечно светящуюся,

Непобедимые алые, красные знамена они подняли.
Протянули нить единства и сказали:

„Держись за эту красную нить“.
Объединяйся и начни большую борьбу. Только в
этом объединении большое дело.

Настало время соединиться всем рабочим,
Иначе враг кровавую руку приложит.
Смотрите, свеча ведь горит! Смотрите, вон ваш
светлый путь!

Сбрось с шеи прочь руку этих проклятых.
(Подстрочный перевод.)

Если автор стихотворения «Рабочие, боритесь!» не смог конкретно назвать имя носителя передовой революционной теории и борца-организатора народных масс за дело коммунизма, то Ярлы Карим¹ в стихотворении «Коммунист» нашел такого человека в лице коммуниста и стремился охарактеризовать его в реальных чертах.

Характерными чертами коммуниста Ярлы Карим считает связь его с массами, умение вести за собой массы и вдохновлять их на новые подвиги.

Поэт писал:

Эйзә һөйлә, ас күзендә, коммунист, ғәзел һаким!
Күкрәген киереп һуғыш дошманға каршы, булма кәм!
Һин хатаһыҡ менән эзерәк артка китһән, үсмәһән,
Өйрәтер был шанлы тарих, өмөтөндө өзмәһән.
Һинә иһен ел—дауылдар... Тик йәшен йәшнәһән...
Эйзә күктәр күкрәһән шәп!.. Бар залымдәр сыңлаһын!
Тик иһендән сыҡмаһын шул... Донъяла көс кемдә күп,
Кем калыр яҡты йыһанда, мәнһегәсә туһланым.
Кемдә һакһыҡ, кайһы яҡ күп?— Шуһ еһер, әһбиттә, еһер!
Кан эсеүсе буржуһар ут-йәһәннәмгә һеһер!

Айда говори, открой глаза, коммунист, справедливый судья!
Бейся, расправив грудь, против врага, не отступай! (Не трусь)
Если ошибешься ты и не будешь сам расти,
Не бойся, друг, тебя славная история направит на правильный путь
Пусть грянет буря, пусть молния сверкает...

¹ Ярлы Карим (псевдоним Абдуллы Каримова) род. в 1900 г. в дер. Анитово Бижбулякского района БАССР. Я. Карим—член партии с 1919 г., работал во время гражданской войны сотрудником фронтовой газеты „Кзыл Маяк“, затем после образования БАССР был переведен в г. Стерлитамак, где работал ответ. секретарем газ. „Башкортстан Хэбэрлары“. В годы гражданской войны Я. Карим написал около 30 стихотворений, много публицистических и литературно-критических статей. К сожалению, тяжелая болезнь задержала его дальнейшее развитие. В 1925 г. было опубликовано в газ. „Башкортстан“ последнее его стихотворение. Умер Я. Карим в 1935 г. в гор. Уфе. Абдулла Каримов, следуя примеру Демьяна Бедного, назвал себя „Бедным Каримом“ (т. е. „Ярлы Каримом“).

„Стихи моего брата Ярлы Карима, которые я читал в годы гражданской войны, были основной причиной моего прихода в литературу“—так писал Фатыха Каримов в своих воспоминаниях (Татгосиздат, 1948 г. Избр. произв. Фатыха Каримова, стр. 7), брат Ярлы Карима.

Пусть гром гремит!.. Пусть это слышат все угнетатели!
Только не забудь то... У кого больше силы на свете,
Кто останется на светлом счету, объединенное во веки веков.
У кого справедливость, на чьей стороне больше? (сил)—
тот победит, несомненно победит!

Буржуа — кровопийцы — провалятся в ад!

Газеты печатали много поэтических произведений различных авторов, призывавших наш народ вооружаться и идти на бой против врагов молодого Советского государства. Среди множества этих стихов лучшими по своему содержанию являются произведения Фатыха Мажита «Вооружайся, молодежь!» (газета «Известия Оренбургского мусульманского комиссариата» № 22, 1918).

Указанное стихотворение Ф. Мажита характерно этим новым социалистическим отношением к поэзии. Автор в нем рассматривает поэзию как оружие, говорит о большом ее значении в революционной борьбе нашего народа и его победе над врагом. Он пишет:

Изъямәгез, дуһтар, кара көскә,
Тупланығыз әйзә бер төшкә.
Қара канға батқан, кылыс тотқан
Йылан дошман менән һуғыша.
Тупланығыз әйзә, йәш быуындар,
Дошмандарға каршы корал тот,
Кәләм менән тиш, яр йөрәктәрен,
Хәзер кәләм-кағыз—кылыс-туп!
(Ф а т и х М а ж и т, Оренбург, мосолман
комиссариатының мөһбире, 1918, 5-V— № 22)

Друзья, не поддавайтесь и объединяйтесь против черной силы.
На войну со змеиным врагом, держащим меч и топленным в
черной крови.

Объединяйся, молодое поколение, подними оружие против врага,
Пером проколи и терзай сердца их.
Сейчас перо и бумага равны сабле и пушке.

Большую познавательную и историко-литературную ценность представляет стихотворение «Башкортстан» автора Башкорт углы¹ («Башкортстан Хэбэрлары» № 76, 1919). Оно отражает борьбу башкирского народа под руководством Коммунистической партии за образование Башкирской АССР. Как известно, этот период был одним из самых сложных периодов в истории строительства Советской Башкирии. Образование Башкирской АССР происходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Татарская буржуазия, жившая в Башкирии, поддерживала культурно-национальную автономию, а ее «левое» крыло выдвинуло «Волжско-Уральские штаты». Башкирская буржуазно-националистическая клика стремилась создать свою национальную автономию, где власть принадлежала бы башкирской буржуазии. Ее лозунгом был «Башкортстан — для башкир».

¹ Под таким псевдонимом писал свои стихотворения Ш. Худайбердин.

Трудящиеся же массы Башкирии, возглавляемые Коммунистической партией, боролись за осуществление ленинско-сталинской национальной политики. Их целью была организация советской социалистической Башкирской республики.

Стихотворение «Башкортстан» показывает, что его автор разбирался в этой сложной обстановке и стоял на большевистской позиции. Он отдает свой голос за такую башкирскую автономию, где бы все народы Башкирии пользовались равноправием и жили бы в дружбе и автономия служила бы средством вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство.

Ш. Худайбердин писал:

Урал, Яйык, Изел, Накмар,
Кич болондар, зур сахралар,
Намандамы кара грун,
Мырза, түрә һеззе таптар.
Бабаһ һөйләй Буранғолдо,
Саттар кантон Исәнғолдо.
Әләләй ялған тарих
Оялмайса алдар, таптар.
Инде башкорт илен һаклап
Йыйылыштык бер урынға.
Башкорт, мишәр, типтәр дустар,
Кул бирешәйек, кан кәрзәштәр.
Корайык бергә Башкортостан,
Тура юлды эзләгәндәр,
Әйзә төшәйек бына был юлга,
Йыйнап көстө барын бергә.

Урал, Яик, Ак-Идель, Сакмара,
Широкие поля и большие степи,
Неужель чиновник и мурза
Все время вас будут угнетать.
Дед рассказывает о Бурангулове,
О Саттаре-кантоне Исангулове.
И сейчас повторяется эта гнусная история —
Без стыда угнетают наш народ.
Защищая башкирскую землю,
Давайте сплотимся воедино.
Башкорт, татарин, телтәр и мишар —
Союз крепите братский наш.
Построим все вместе
Нашу Башкирию.
Мы все вместе станем на этот путь,
Собирая силы, пойдем по этому пути вперед.

На фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии сражались с врагом отдельные башкирские красноармейские части. Башкирские красноармейские полки участвовали в защите Петрограда от Юденича, сражались с Врангелем и белополяками. Башкирские воины были достойными сынами своей социалистической Родины.

В поэзии периода гражданской войны имеются стихотворения, отражающие это важное событие в жизни башкирского

народа. Эти стихи проникнуты идеей жгучей ненависти к врагам, глубокой верой в победу советского народа, в них подчеркивается интернациональный характер Красной Армии. Вот, например, некоторые отрывки из большого стихотворения «Песни башкир-красноармейцев» Абдуллы Матросова, «Башкортстан Хэбэрляры», № 65, 1919.

Кемдәр килә таузар тишеп, таштар кисеп, юл асып.
Тетрәтеп ер, ирк йырын йырлашып, гөрләшеп.

Абау уф алла, бәгерем көйә, йән яна,
Ялма йәнем, көймә бәгерем,
Тизән бит буржуйзарзы енербез.

Кемдәр килә, был адалан, ел кеүек йөрөштәре,
Казачизәрсә, егеттәрсә бар йөрөш-тороштары.

Абау уф алла, кемдәр һуң ана унда?
Улар безен кызыл ғәскәр
Әйзә, унда, әйзә унда!

Дошманға асыу менән тулған бөтә күкрәгем,
Кайза күрһәм, шунда тотоп ярыринем күкрәгем.

Абау уф алла, нәмөгә был йән яна,
Ялма йәнем, әйзә алға,
Алда дошман, күр ана.

Алға, артқа, янға, ситкә һәммәһенә етербез,
Күтәрмәһен башын дошман, һөйгөн итеп, көл итербез.

Абау уф алла, асыуымдан йән яна.
Һис түзә алмайым, бөтте сабырым,
Барам алға, алға, алға!

Дошманға каным кайнай, йәнем яна, түзмәй йән!
Күңелем таша, күңелем ярһый, түзмәй буржуйға һис йән!

Абау уф алла, минең бәхетем кайза?
Бәхетем артта түгел, алда,
Әйзә алға, алға, алға!

Тиз үтербез бөтә дошман сафтарың тар-мар итеп,
Туктамабыз, туктаһак та туктарбыз дошманды кырып бөтөп.

Абау уф алла, нәмөгә йән шатлана?
Шатланабыз — без енәбәз,
Күңел шуға канатлана.

Без бөтмәбез, без йәшәрбез, тик кирәйек күкрәк кенә.
Без енербез, йәшәһен кызыл ғәскәр, үһен күкрәп кенә!

Абау уф алла, шатлығымдан йән яна,
Шатланабыз, сөнки без иркле,
Шуға күңел канатлана.

Кто идет сквозь горы, сквозь скалы, отрывая дорогу,
Сотряса землю, с песнями о свободе, дружно
Абау уфалла, грустит милая моя, горит душа,
Не гори душа моя, не грусти, милая моя,
Скоро мы победим буржуев.

Кто идет, по этой степи, словно ветер
По-казацки, по-молодецки стан их и их походка,
Абау уфалла, кто там такие,
Они наши красные воины —
Айда туда, айда туда.

Наполнено мое сердце ненавистью к врагу.
Где б я его не увидел, там я разрубил бы его грудь.
Абау уфалла, почему горит моя душа?
Не горюй, душа, айда вперед —
Впереди враг, смотри на него.

Вперед, взад, рядом и в сторону—всюду поснее.
Пусть не поднимет голову враг, кости его разломим,
превратим в прах.

Абау уфалла, от злости горит моя душа!
Не могу терпеть, кончилось терпение,
Иду вперед, вперед, вперед.

Против врага кипит кровь, горит душа, не терпят руки,
Изливается чувство, возбуждилось чувство, не терпит
душа против буржуя.

Абау уфалла, где мое счастье?
Счастье мое не сзади, а впереди.
Айда вперед, вперед, вперед!
Громя ряды врагов, скоро мы пройдем,
Не остановимся, если остановимся, то только разгромив
врага.

Абау уфалла, почему душа радуется?
Радуется — мы побеждаем.
Чувство вот почему окрыляется.

Нас не победишь, мы будем жить, только раздвинуть грудь.
Мы победители, да здравствуют красные воины, пусть растут
они бурно!

Абау уфалла, от радости душа горит.
Радуемся, потому что мы свободны,
Поэтому окрыляется чувство.

Форма этого стиха напоминает памятники башкирского устного народного творчества. Стихотворение состоит из 2 строф. После каждой строфы припев «абау уфалла!» повторяется как у башкирской народной песни. Разница только в том, что припев в стихотворении Абдуллы Матросова в каждой строфе принимает новое содержание. Рифмы стиха парные. Первая строка рифмуется со второй.

«Песня красноармейцев-башкир» была почти единственным художественным произведением, рассчитанным для хоровых коллективов красноармейских башкирских частей, и она в свое время распевалась очень многими башкирскими красноармейскими отрядами в походных маршах и во время учебных занятий.

Огромный политический и трудовой подъем башкирского народа, вызванный победами Красной Армии над Колчаком, нашел свое отражение в таких стихотворениях, как «Наш герой» (автор Г. Халим, газета «Кзыл Яу» № 16), «Красная Армия» (автор Г. Набуллин, «Башкортстан Хэбэрляры» № 48, 1919), «Мы будем и дальше побеждать» (автор Карим Нигматуллин, газета «Кзыл Маяк» № 30, 1919), «Джигиты Аташа» (автор М. Бахтизина, газета «Кзыл Яу» № 26, 1919).

В этих стихотворениях отражены победоносные наступления Красной Армии, переданы волнующие встречи жителей башкирских аулов, сел, деревень со своими освободителями—красноармейскими частями, решимость башкирского народа крепить мощь Красной Армии.

Стихотворение М. Бахтизиной «Джигиты Аташа» записано и обнародовано Шагимом Худайбердиным. Оно опубликовано в

газете «Кзыл Яу» с его следующим примечанием: «В Белебеевском уезде Уфимской губернии имеется деревня под названием Аташ. В дни Октябрьской революции она прославилась своей большевистски настроенной молодежью, которая установила у себя Советскую власть, захватила и разделила помещичьи земли.

Во время властвования белых бандитов в Белебеевском уезде доблестная эта молодежь, вооружась вилами, топорами, восстала против них и присоединилась к нам. В ожесточенных и кровопролитных боях за Бугульму джигиты Аташева храбро вели себя и дрались с врагом, как львы. Я их недавно видел в рядах 2-й Армии. Попрежнему они бодрые, веселые. Говорили мне, что мы скоро возьмем Уфу и там встретимся с вами. А после окончания войны вернемся обратно в свою деревню, будем совершать большие дела.

Сейчас мы, находясь от них на далеком расстоянии, от имени Уфимской организации шлем приветствие этим храбрым и отважным борцам за советскую власть и как подарок им печатаем в газете «Кзыл Яу» нижеследующее стихотворение девушки Аташа, посвященное свободе:

Аташ егеттәре

Һезҙең хәририәт, азатлык юлындағы каһарманлылығыҙҙы күрөп шатлана
торған һендәгез, һез һуғышта ваҡытта өйҙә торһа ла, һезҙе оңотмай тор-
ған һендәгез бына һисек ти:

Шифыр

Гөлдәр үскән баксаға кар яумаһын,
...кыш булмаһын.

Акрын искән ел менән япрак,
ағастар шаулаһын.

Бергәләп гөлдәр эсендә һайрағыз шатлык йырын,
Ырғытып ташлап кара көстөн хәйһәрзәрен.
Шат күңелдән яқты көндәрҙең йырын

йырлап ебәр,

Ал сазыңды, нескә кылдарын сиртеп,
уйнап ебәр.

Йырла, уйна, өр яңы дәрттәр менән тулһын йөрәк.
Кайнаһын, дингез кеүек тулҡынлаһын торһон йөрәк.

Джигиты Аташа!

Ваша сестра, которая, видя героизм за дело свободы, ваша сестра,
хотя и живет дома, когда вы находитесь на войне, вас не забыла и вот что
о вас говорит:

С т и х.

В сад-цветник пусть не падает снег,
... пусть не будет зима,

Под дуновением умеренного ветра пусть
шумят листья, деревья.

Среди цветов спойте вместе песню радости,
Сбросив (с себя) книжки Черной силы.

От всего сердца спой песню светлых дней,
Возьми в руки соз (лиру) и заиграй на его
нежных струнах.
Пой, играй, пусть наполняется сердце
Совершенно новыми страстями,
Пусть сердце и волнуется
Как море.

По утверждению Ш. Худайбердина, М. Бахтизина в годы гражданской войны сложила много песен о победе Красной Армии и помощи тыла фронту.¹

К сожалению, мы не нашли ее стихов, кроме вышеприведенного. Неизвестна также нам биография этой замечательной первой башкирской поэтессы периода гражданской войны.

Замечательным явлением в истории башкирской советской литературы этих лет является творчество импровизаторов, ныне Народных певцов сэээнов Башкирии — Фарраха Давлетшина и Саита Исмагилова.

Поэтически одаренный башкирский народ еще до Октябрьской социалистической революции выдвинул из своей среды много народных певцов. В числе этих народных талантов были и Фаррах Давлетшин и Саят Исмагилов.

Принимая активное участие в борьбе с белогвардейскими полчищами в годы гражданской войны, Давлетшин и Исмагилов живо откликались на все события.

В их импровизациях нашли свое отражение героические подвиги Красной Армии, помощь тыла фронту, преданность нашего народа Коммунистической партии. Много они сложили обличительных стихов, песен про кулаков, баев, мулл, которые были оплотом контрреволюции. Их импровизации характерны народной мудростью, красноречием, разящим остроумием. Вот, например, Фаррах Давлетшин так изображает в одном из своих стихотворений бегство Колчака из Башкирии под ударами Красной Армии:

Колчак — наш враг, твердил нам много врак.
Пропал, кто врал. И счастлив Урал.

Родной Ильич нас к счастью всех ведет,
Народ живет без горьких забот!
Вот так без врак поет вам Фаррах.
Теперь, буржуй, за рубежом кочуй.
Туда-сюда мечись, как зуда.
Отчизны нет — и жизни нет. Беда!
Но есть барыш: удрал от суда!
Вот так без врак поет вам Фаррах.

Таким образом, башкирская советская литература зародилась как часть многонациональной советской литературы и

¹ См. примечание Ш. Худайбердина к стихотворению Марьям Бахтизиной „Джигиты Аташа“, напечатанное в газете „Кзыл Яу“ № 26, 1919.

формировалась под благотворным влиянием русской классической и советской литературы, используя богатство устного башкирского народного творчества и демократические традиции башкирской дореволюционной художественной литературы.

Этим периодом закончился первый этап борьбы с буржуазно-националистической идеологией в башкирской советской литературе. Выдвинулись на литературно-общественную арену новые талантливые творческие силы из гущи народа и во главе с М. Гафури образовали первый крепкий отряд башкирских советских писателей. Наметились новая тематика, появились новые жанры, выдвинулась на первый план романтическая струя башкирской советской литературы.

Башкирский литературный язык в эти годы только еще формировался, поэтому до перехода книгопечатания на башкирский язык поэты этого периода писали свои произведения на литературном татарском языке.

Уже в эти годы определилась в башкирской советской литературе такая характерная черта многонациональной советской литературы, как политическая целеустремленность, партийность, советский патриотизм, дружба народов, связь поэтов и их творчества с общественной жизнью нашей страны.

Башкирский народ совместно с другими народами втянутый великим Октябрем в дело строительства культуры социалистической по содержанию и национальной по форме, на последующих этапах развития советского общества духовно возродился и стал одним из культурных передовых отрядов в многонациональной семье народов СССР.

Великий русский народный поэт Н. А. Некрасов лишь мечтал о том времени, когда наш народ

„Белинского и Гоголя
с базара понесет“.

Мечта поэта сбылась. За годы Советской власти благодаря осуществлению ленинско-сталинской национальной политики, при повседневной заботе Коммунистической партии ее Центрального Комитета Советская Башкирия превратилась в передовую культурную республику. Ярким свидетельством расцвета башкирской советской культуры является открытие Башкирского филиала АН СССР. Башкирский народ теперь имеет свою национальную прессу, художественную литературу; читает на своем родном языке не только Белинского и Гоголя, но и произведения великих гениев человечества — Ленина и Сталина. Достоянием башкирского народа сейчас стали и достижения культуры других народов СССР.

«Следует признать, — говорил В. М. Молотов, — что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так

и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается, действительно, величайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение».¹

¹ Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. „Правда“ от 7 ноября 1947 г.

А. Н. УСМАНОВ

Кандидат исторических наук

БАШКИРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

Выдающийся сын великого русского народа, гений русской и мировой литературы Александр Сергеевич Пушкин в своем творчестве много места уделяет образам представителей угнетенных народов царской России. Пушкин был глубоко национальным поэтом, в то же время он является интернациональным поэтом.

А. С. Пушкин жил и творил в эпоху николаевской реакции.

В. И. Ленин и И. В. Сталин характеризовали царскую Россию, как «тюрьму народов», о чем весьма метко выразился гениальный поэт.

В своей оде «Вольность» Пушкин с грустью писал:

Увы, куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.

Пушкин хорошо понимал положение угнетенных народных масс в этой «тюрьме народов», ибо «...в его глазах поэт,—как говорил М. Горький,—выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».

При Пушкине в стране происходили крупные события. Выступление декабристов на Сенатской площади явилось отражением дум и стремлений Пушкина, хотя он организационно не принадлежал к декабристам.

Жестокая расправа Николая I с декабристами и наступившая вслед за тем реакция не сломила волю Пушкина—он продолжает воспевать вольность. Великий гуманист, противник самодержавия и крепостного права, он не только не перестает быть певцом свободы, но с еще большей силой борется против самодержавия всеми имеющимися в его распоряжении

средствами. Волнения крестьян и военных поселенцев, получившие большой размах в 30-х годах XIX века, заставляют А. С. Пушкина взяться за острые политические темы. В частности, в эти годы Пушкин занимается историей великой крестьянской войны 1773—1774 годов, руководимой Емельяном Ивановичем Пугачевым. Его интересует и волнует эта тема потому, что и в 30-х годах среди угнетенных масс крестьян бродил призрак Пугачева. Положение в стране было напряженное. В «Кратком обзоре общественного мнения», составленном III отделением, отмечалось: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний. Они ждут своего освободителя... и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев поугал господ, а Метелкин — пометет их»¹.

А. С. Пушкин, пытливо и пристально следивший за событиями в стране, которые во многом напоминали грозное прошлое, начинает собирать материалы к «Истории Пугачева». В этой связи очень большое внимание он уделяет башкирам, которые принимали активное участие в крестьянской войне 1773—1774 гг., а до этого веками героически боролись против царизма и колониального гнета. Наряду с историей крестьянской войны великий поэт изучает и историю башкир.

К этой теме Пушкин обратился не случайно. Здесь выразился его протест против самодержавия. История крестьянской войны интересует его потому, что она была совместной борьбой угнетенных народов России против крепостничества и самодержавия. Угнетенные народы и во время Пушкина вели борьбу против крепостничества и царизма. Гениальный Пушкин был поэтическим выразителем идей этой борьбы. «Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный», — восклицал он в стихотворении «Деревня». «Мы ждем с томленьем упованья минуты вольности святой», — говорил он в «Послании к Чаадаеву».

Правда, Пушкин не призывал крестьян к вооруженному бунту, подобно Радищеву и Чернышевскому, но он писал о том же вооруженном восстании. Он с исключительной симпатией относится к пугачевскому восстанию.

В этой маленькой статье мы не ставим перед собой задачу рассмотреть Пушкина как историка пугачевского восстания в целом. Мы ограничимся тем, что рассмотрим, что написал Пушкин о башкирах и как он изучил историю и быт этого народа.

Во времена Пушкина в стране царила николаевская реакция, имела хождение реакционно-шовинистическая теория «официальной народности», сущность которой сводилась к ложному утверждению, что русский народ по природе своей религиозен, искони стоит «за царя» и не протестует против

¹ Централхив. «Крестьянское движение 1827—69 гг.», в. 1, стр. 9, 1931 г.

крепостного права. Правительство и официальная литература называли угнетенные национальности не иначе, как «инородцами».

В это время А. С. Пушкин с глубокой симпатией пишет о многих народах, населяющих Россию. Он изучал также историю, быт, нравы башкир и в трех своих произведениях пишет о башкирах («История Пугачева», «Капитанская дочка», «Братья разбойники»).

Прежде чем писать, Пушкин кропотливо изучал доступные ему материалы о башкирах. К тому времени уже имелась некоторая литература о башкирах и башкирском крае. Здесь мы, прежде всего, имеем в виду труды известного ученого XVIII века, историка и административного деятеля, первого члена-корреспондента Академии Наук Петра Ивановича Рычкова, которым были написаны и изданы ещё в 50-х и 60-х годах XVIII века «История Оренбургская» и ценная, капитальная работа «Топография Оренбургской губернии». Кроме того, Пушкин разыскал неопубликованную «Летопись Рычкова», которая была составлена историком в осажденном пугачевцами Оренбурге в конце 1773 и начале 1774 г. Пушкин очень высоко отзывался о Рычкове. Например, он писал «...о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостью, добросовестностью — достоинствами столь редкими в наше время...»

Вероятно, Пушкин был знаком с учеными записками академиков И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Георги, капитана Н. Рычкова (сына П. И. Рычкова) и др., которые ездили по Башкирии в 60-х и 70-х годах XVIII века.

Кроме опубликованных работ, Пушкин тщательно и кропотливо изучал архивные материалы, относящиеся к участию башкир в крестьянской войне 1773—1774 гг.

Не ограничиваясь опубликованными и архивными материалами, Пушкин предпринял специальную поездку в отдаленный от столицы Оренбургский край, где осматривал места сражений пугачевцев, записывал рассказы современников восстания, собирал материалы, знакомился с жизнью и бытом местного населения. Разумеется, здесь Пушкина интересовали не одни башкиры. Но и о них он собрал много ценного.

18 сентября 1833 г. Пушкин прибыл в Оренбург, бывший в то время военно-административным центром Башкирии. Начиная с 1798 по 1863 г. в Башкирии существовало так называемое кантонное управление. Башкиры несли казачью службу, в частности, несли линейную (или кордонную) службу в Оренбурге и в тех крепостях и редутах, где впоследствии побывал Пушкин, а Оренбург был центром «Башкирского войска».

В Оренбурге Пушкин встретился со своим знакомым и другом, знаменитым лексикографом, хорошо знавшим Башкирию, Владимиром Ивановичем Далем. Последний сообщил поэту ряд ценных и интересных сведений.

Будучи в Оренбургском крае, А. С. Пушкин общался с башкирами, о чем поэт пишет своей жене в письме из Оренбурга от 19 сентября 1833 г. Повидному, и после отъезда Пушкин имел переписку с передовыми людьми Башкирии того времени. Начинаящие башкирские писатели, творившие под влиянием Пушкина, обращались к гениальному поэту за советом. В этом отношении весьма любопытным является письмо одного начинающего поэта к Пушкину. По всему видно, что оно было не первым. Автор письма подчеркивает, что он начал писать под влиянием Пушкина, хорошо знает его творчество и восхищается его гениальностью. Вот это характерное письмо, полученное Пушкиным незадолго до его трагической гибели. 13 января 1837 года неизвестный автор за подписью «И. В...кр...шев» писал: «Милостивый государь! Александр Сергеевич! Я не решился, я не хотел беспокоить вас личным посещением — несмотря на тайный шопот младенческого самолюбия — самому отдать первые свои труды на оценку Гения. — Не лезть, не искательство вырвали эту речь из моей груди... Один Гений творит чудеса — чудо сотворили и вы, когда моя упрямая, тупая башкирская голова, ознакомившись с вашими творениями, мало по малу привыкла думать; а наконец согласилась виршовать» (т. е. писать стихи).¹

Далее автор письма пишет: «Я ласкаю себя надеждою увидеть первенцев в листах издаваемого вами «Современника».

Оренбургская поездка дала Пушкину много нового для истории пугачевского восстания. Личное знакомство с крепостями, с местным населением — казаками, башкирами и другими, также природа нашего края произвели на поэта глубокое впечатление. Это помогло поэту-историку правдиво и реалистически создать свои произведения: «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку».

Внимательное изучение материалов, собранных Пушкиным для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки», отчетливо показывает, как тщательно поэт изучал историю башкир. Его интересует историческое прошлое башкир, в особенности их борьба против самодержавия и колониального гнета. Пушкин делает множество выписок об участии башкир в крестьянской войне 1773—1774 гг., при этом обращает внимание на башкирский быт. В этом отношении интересна выписка Пушкина из дел пугачевского восстания, отражающая быт башкир. Речь идет о малозначащем случае для характеристики восстания,

но любопытном для раскрытия бытовой стороны жизни башкир. В одном из документов сообщается, что восставшими отобрано имущество зажиточного башкира. А. С. Пушкин делает пометку: «Быт башкирский» и делает выписку, что у Ахмета Шарипова под заводом Твердышева отняты следующие предметы: шапка казачьего красного кармазинного сукна, обложенная черной мерлушкой, две рубашки, двое портки бумажные, седло, сайдак со стрелами, копы с дровком, кошма (войлок), узды плетеные ременные, плеть ременная, зипун сукна белого, чулки поношенные, шаровары — сукна синего, и против каждого предмета проставляет их стоимость в рублях и копейках.¹

Но Пушкина больше всего интересует героическое прошлое этого народа и его активное участие в крестьянской войне.

В чем же видит Пушкин причины столь активного участия башкир в крестьянской войне, руководимой Пугачевым?

Усиливающийся крепостнический гнет в XVIII веке и деспотический режим царизма ложились огромной тяжестью как на русских крестьян, так и на «инородцев», в том числе и на башкир. В XVIII веке башкиры часто восставали против колониального гнета. Все это было известно Пушкину. Он в нескольких местах, как в «Истории Пугачева», так и в «Капитанской дочке», подчеркивает варварское отношение царизма к башкирам. Так, о казнях, учиненных в 40-х годах в Башкирии, Пушкин пишет: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. Иных растыкали по кольям, других повесили ребром за крюки, некоторых четвертовали. Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши. Многие из сих прощенных, — заключает Пушкин, — должны были быть живы во время Пугачевского бунта».²

Не случайно в истории пугачевского восстания у Пушкина встречаются «прощенные» башкиры, у которых отрезаны уши и носы.

В представлении Пушкина такой народ не мог не участвовать в восстании. В зверской колониальной политике царизма видит Пушкин причину активности и жестокости башкир во время великой крестьянской войны. При этом Пушкин правильно подмечает, что среди башкирского народа тоже были свои собственные эксплуататоры и угнетатели, выступавшие против восстания. Так, он пишет: «Из Оренбурга для увещевания посланы к ним (т. е. к восставшим — А. У.) бывший в польском походе главным старшиною Кулуй Балтасов, да

¹ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XVI, изд. АН СССР, 1949, стр. 216—217.

¹ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 9, АН СССР, 1940, стр. 517.
² Пушкин. История Пугачева (Заметки к «Истории Пугачева»).

Юсуп Шарыпов». Тут же Пушкин добавляет: «Сей последний пойман и с 12 чел. повешен».¹

Крестьянскую войну 1773—1774 гг. Пушкин рассматривает как совместную борьбу народов России против самодержавия и крепостничества. По выражению автора «Капитанской дочки», целью восстания было «ниспровержение престола и истребление дворянского рода». Иначе говоря, это была война угнетенных крестьян против помещиков, царских чиновников и прочих угнетателей.

В третьей главе «Истории Пугачева» Пушкин пишет: «Башкирцы, взволнованные своими старшинами, начали... кучами присоединяться к войску бунтовщиков». Далее он продолжает: «Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству». Все это относится к начальному периоду восстания.

Вот как описывает Пушкин Бердский лагерь Пугачева, его население. 6-го ноября Пугачев из своего нового лагеря переехал в самую слободу. «Башкирцы... и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оно было из яицких казаков и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скопилось неимоверное множество татар, башкирцев, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода». Описывая Бердский лагерь под Оренбургом осенью 1773 г., Пушкин о башкирах говорит не только как об активных участниках восстания, но и как о надежном тыле. Он пишет: «Корм и лошадей доставляли от башкирцев».

Таким образом, в начальный же период пугачевского восстания, по описанию Пушкина, башкиры выступают активными участниками крестьянской войны.

А. С. Пушкину, при всем его старании, не удалось просмотреть архивные материалы о крестьянской войне 1773—1774 гг., хранившиеся в Петербурге, Москве и в других городах. В частности им не был просмотрен архив Уфимской провинциальной канцелярии. Поэтому трудно было ему описать ход восстания во всей полноте. Несмотря на это, все основные моменты участия башкир в пугачевском движении описаны им правильно.

Например, не ускользнул от внимания исследователя и момент присоединения крупного отряда башкирской конницы к восставшим после решительного сражения повстанцев с генералом Каром.

Уфимская провинциальная канцелярия, согласно распоряжению оренбургского губернатора, собрала сводный отряд из

башкир и мишарей. Этот отряд, сформированный в Стерлитамаке и Бугульчане, насчитывающий до 1500 всадников, под начальством князя Уракова отправился на соединение с генералом Каром.

Но отряд, в состав которого входил и Салават Юлаев, присоединился к Пугачеву. Как известно, генерал Кар со своими отрядами потерпел поражение и позорно бежал. Свое поражение генерал Кар объяснял отсутствием конницы. Этот случай Пушкин описывает в следующих словах: «Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не бывали; находившиеся в недельном расстоянии под начальством князя Уракова, бежали...» Между прочим, цензору Пушкина—Николаю I не понравилась такая формулировка, он предложил: вместо «ожидаемых из Уфы» — написать — «не высланных».

Известно, что наряду с Бердским лагерем осенью 1773 года под Оренбургом образовался другой крупный центр. Десяти-тысячный отряд, предводительствуемый казаком Губановым и башкиром Каскын Сакмаровым, обосновавшись недалеко от Уфы, в селе Чесноковке, осадил город Уфу. В декабре 1773 г. под Уфу прибыл посланный Е. И. Пугачевым в качестве главного командира яицкий казак Иван Зарубин-Чика. Осаде Уфы Пушкин также придает большое значение и подчеркивает здесь роль башкир. В четвертой главе «Истории Пугачева» он пишет, что «...в десяти верстах от Уфы взбунтовали окрестные деревни, большею частью башкирские, и отрезан город от всякого сообщения».

В той же четвертой главе «Истории Пугачева» Пушкин пишет, что в конце 1773 года восстание все усиливается. «В самом деле,—пишет он,—положение дел было ужасно. Общее возмущение башкирцев... и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отовсюду пересекало сообщение. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиной. Зима усугубляла затруднения».

Как известно, весной 1774 года Бердский и Чесноковский лагеря восставших были разгромлены правительственными войсками. Такие видные предводители восставших, как Зарубин-Чика и Хлопуша, были пойманы. По совету башкирского старшины Кинзи Арсланова, Пугачев во главе совсем небольшого отряда перебрался во внутреннюю Башкирию. К тому времени на северо-востоке Башкирии функционировал третий центр восстания, возглавляемый Салаватом Юлаевым и Белобородовым. Этот центр не сковал свои действия у одной только точки, подобно Бердскому и Чесноковскому лагерям. Салават и Белобородов действовали в горно-лесных районах Башкирии. Сюда же прибыл Пугачев со своим небольшим отрядом. Летом 1774 года восстание разгорелось с новой силой.

¹ Пушкин. История Пугачева (Заметки к «Истории Пугачева»).

В шестой главе «Истории Пугачева» большое место Пушкин отводит башкирам. Вот как описывает он рассматриваемый период восстания: «Пугачев, коего положение казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах». «Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь попрежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмирённые, снова взволновались. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки, и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года¹, явился между ними с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силой».

В этом периоде восстания Пушкин много внимания уделяет вождю восставших башкир Салавату Юлаеву, он его называет «свирепым Салаватом». Такой эпитет, несомненно, правилен и справедлив. Действительно, Салават был свирепым по отношению к врагам восстания.

Пушкин описывает неоднократные столкновения Салавата с Михельсоном, с предводителем того карательного отряда, который разогнал Чесноковский лагерь. Пушкин ставит Салавата в один ряд с Пугачевым и пишет: «Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлении из-под Уфы. Через два дня пошел он против Пугачева и Салавата».

Досадно, что Пушкину не все было известно о Салавате.

Салават Юлаев выступает перед нами не только как вождь восставшего народа, предводитель крупных отрядов и верный сподвижник вождя крестьянской войны Емельяна Пугачева. Увлекая за собой людей, Салават сражался со своими врагами не только саблей, стрелой и ружьем. Он был замечательным поэтом, певцом-импровизатором, и свой поэтический талант посвятил делу борьбы, делу

¹ А. С. Пушкин допугачевские восстания в Башкирии изучал, главным образом, по книгам вышеупомянутого историка XVIII в. П. И. Рычкова «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии». Рычков более полно осветил восстания 1735, 1740—1741 гг.; а восстание 1755 г., происходившее всего лишь за 18 лет до пугачевского движения, не нашло достаточного отражения. Поэтому Пушкин часто говорит о восстании 1741 года, а 1755 г. не упоминает. Повидимому, он не мог добраться до архива этого восстания. В данном случае отца Салавата — Юлая Азналина Пушкин ошибочно считает участником восстания 1741 года, он мог быть участником восстания 1755 года. В момент восстания 1741 года Юлаю было не более 13 лет.

Также следует отметить пушкинское заявление о том, что Юлай и Салават явились якобы лишь летом 1774 г. Разумеется, это не точно. Салават появляется на арене восстания с осени 1773 г., а несколько позже — и Юлай Азналин.

народа. Могучим призывом к борьбе звучали песни Салавата. «Когда он пел песни, — рассказывали старики известному литератору-краеведу Р. Г. Игнатьеву, собиравшему материалы о Салавате, — люди с охотою шли в бой, не чувствовали боли от ран, не боялись голода, холода, ни даже смерти от пули, сабли и штыка, ... даже безоружные кидались в бой и отнимали оружие у вооруженных».

По преданию, еще перед тем, как присоединиться к Пугачеву, Салават закончил свою речь перед воинами стихами, отрывки которых в прозаическом переводе приводим здесь:

«Разве имеется готовая для Башкирии воля — без того, чтобы выбранная тобой красавица не пролила слезы с кровью, родители твои не согнули с горя свои спины?»

Кому в судьбе не сопутствовала сова, кому не служила постелью сучковатая трава и ковыльная степь? Где только не оставалась голова башкирского батыря, на воротах которого птица вила себе гнездо и на щеке которого размножались мухи и комары?

Можно ли добиться равноправия без того, чтобы не харкать кровью, не поев мяса на траве, не выпивши бульона из пенистой крови и не пролив свою чистую кровь?»

Случилось так, что творческое наследство Салавата не попало в руки Пушкину. Пушкин не знал, что Салават был поэтом. Если бы гениальный Пушкин узнал об этом, то, нам кажется, он обратил бы на Салавата особое внимание. Поэтовин Салават Юлаев в изображении Пушкина был бы еще ярче и полнее.

В своей книге «История Пугачева» Пушкин не ограничивает участие башкир в восстании территорией Башкирии. Например, он замечает, что отход Пугачева к Казани прикрывали башкиры, они же задерживали наступление сильного отряда Михельсона. Башкиры продолжали участвовать в пугачевском движении и в дальнейшем. Как пишет Пушкин в седьмой главе «Истории Пугачева», при взятии Казани Пугачевым башкиры принимали активное участие и сражались самоотверженно. «Убито в сражении, — пишет Пушкин, — до двух тысяч, большею частью татар и башкир». Как отмечает Пушкин, до августа месяца при Пугачеве были башкиры, которые принимали участие в сражениях.

С уходом Пугачева восстание на территории Башкирии не прекращалось, оно продолжалось под предводительством Салавата. Летом 1774 года Салават был сильно ранен и не мог следовать вместе с Пугачевым. Кроме того, нельзя было оставить Башкирию без предводителя. Здесь бушевало восстание и после поимки Пугачева. Лишь в ноябре 1774 года и Салават и его отец Юлай были пойманы, восстание было окончательно подавлено. Этот заключительный этап борьбы

А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева» не описывает. Он кончает ее поимкой и казнью Е. И. Пугачева.

* * *

Тщательное изучение истории пугачевского движения дало возможность А. С. Пушкину написать замечательную повесть — «Капитанская дочка», в которой правдиво и реалистически показана эпоха крестьянской войны 1773—1774 гг. И в этом произведении гениальный поэт много места отводит башкирам.

Известно, что прежде чем писать повесть, А. С. Пушкин несколько раз составлял ее план, пересоставлял и исправлял его. В одном из вариантов повести башкир появляется гораздо раньше, чем в последнем, опубликованном варианте. В упомянутом нами варианте одним из главных героев вместо Гринева должен был быть Башарин, личность историческая. Во второй главе («Вожатый») во время бурана вместо встречи Гринева с Пугачевым должна была состояться встреча офицера Башарина с башкиром. В этом варианте Пушкин писал: «Башарин дорогой во время бурана спасает башкирца». «Башкирец спасает его по взятии крепости. — Ты своею головой отвечаешь за него. — Башкирец убит etc».¹

Пушкин отказался от этого плана. В повести башкир появляется несколько позднее, когда Пушкин описывает Белогорскую крепость.

Образ башкира в русской художественной литературе впервые был создан А. С. Пушкиным в его повести «Капитанская дочка». Этот образ вошел в литературу правдивым, реалистическим. В повести «Капитанская дочка» образ башкира не основной, у него нет имени, он просто называется «башкирцем», он даже не говорит, потому что у него отрезан язык за то, что башкир этот восставал против царизма и колониального гнета; но этот «башкирец» действует, борется, он — свирепый мститель, потому что имеет право быть им. Образ «башкирца» в повести не занимает много места, но каждое его появление у читателя оставляет неизгладимое, незабываемое впечатление. В лице его читатель живо представляет многострадальный свободолюбивый башкирский народ. «Башкирец» этот — обобщенный образ народа, таким представлял его Пушкин, таким он показал его в своей повести.

Чрезвычайно характерными являются пушкинские приемы показа «башкирца». Пушкин хорошо знал, что башкиры веками боролись за свою свободу, против царизма и колониального гнета. Пушкин хорошо знал и то, что для удушения в этом народе стремления к свободе царизмом были построены

крепости, форпосты и редуты, сеть которых окружала Башкирию; поэт их видел сам, с этой целью он предпринял тысячекилометровую поездку в тогдашний Оренбургский край.

Крепости и ее коменданту он противопоставляет «башкирца», потому что крепость — это и есть место, которое держит башкир в повиновении, здесь происходят казни и расправа с непокорными. Крепость и ее комендант с гарнизоном — опора самодержавия и крепостников.

Не случайно А. С. Пушкин к III главе («Крепость») берет эпиграф из «солдатской песни»:

«Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку».

В дальнейшем смысл этих строк раскрывает комендант крепости, когда он говорит о башкирах.

Пушкин добавляет к вышеприведенному эпиграфу еще одну строчку — (из «Недоросля» Д. И. Фонвизина): «Старые люди, мой батюшка». Это говорит как бы: «крепость старая и комендант давнишний».

В третьей главе «Капитанской дочки» описывается Белогорская крепость. В течение двадцати лет комендантом этой крепости является капитан Миронов, который верой и правдой служит царскому трону. Осенью 1773 года в Белогорскую крепость приезжает молодой офицер Гринев. Он сообщает коменданту о первых слухах надвигающейся на дворян грозы — «...на крепость собираются напасть башкирцы». Вот здесь-то Пушкин и показывает недобрую роль крепости. Как бы одним взором окидывает он целое столетие, а затем отдельными картинками и эпизодами раскрывает ужасы пережитого башкирами.

Миронов самоуверен и самодоволен. «Пустяки! — сказал комендант, — у нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомонию».

Глубоким смыслом веет от этих слов Пушкина. Он отлично знал, какими событиями была богата Башкирия до пугачевского восстания. Пушкин не случайно характеризует Миронова, как коменданта, прослужившего в этой крепости двадцать лет. Значит, он не раз «угомонял» башкир. Об этом ясно говорит Пушкин в «Истории Пугачева», о чем уже упоминалось.

Жестокость расправы — дело рук Урусовых и Мироновых. Башкир, действующий в повести «Капитанская дочка», это и есть «прощенный» бунтарь прежних восстаний.

¹ «Литературное наследство». Журнально-газетное объединение, № 16—18. Москва, 1934 г., стр. 451.

Вслед за первыми смутными слухами о бунте «вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила».

Пушкин, еще не выводя на сцену самого «башкирца», в лице которого он представляет народ, постепенно усиливает роль башкир в пугачевском восстании. Даже «возмутительные листы» Пугачева попадают в крепость через башкир, которые и распространяют их среди народа.

В шестой главе («Пугачевщина») Пушкин пишет: «Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с «возмутительными листами». Кстати, Пушкин не упускает случая, дающего ему возможность оценить достоинство «возмутительных листов» Пугачева. «Воззвание написано было,—говорит Пушкин,— в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей».

Наконец, перед читателем выступает образ «башкирца», того самого, который был пойман с «возмутительными листами» Пугачева. Как мы увидим, он не мог сам говорить, но распространял призывные слова вождя восстания.

Коменданту хотелось узнать действительные силы пугачевцев. Он приказывает своему адъютанту Ивану Игнатьевичу привести башкирца, запертого в амбар, а Юлаю, крещеному калмыку, верно служившему в крепости домашним палачом, велел принести плетей.

К коменданту привели заключенного. «Башкирец» с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей».

Далее Пушкин описывает этого «башкирца» устами Гринева: «Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем».

Пушкин устами Гринева сочувствует «башкирцу», жалеет его, даже говорит: «Никогда не забуду этого человека». Он с уважением относится к его уродству, как символу самоотверженной борьбы за свободу, и тут же показывает жестокость и бесчеловечность коменданта крепости. «Эхе!»—сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году.—«Да ты видно старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

«Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия»: «Что же ты молчишь» — продолжал Иван Кузьмич:—«Али бельмес по-русски не сумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

«Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением, и не отвечал ни слова».

«Якши»—сказал комендант:—ты у меня заговоришь. Ребята! Сымите-ка с него дурацкий полосатый халат, да выстрочите ему спину. Смотри же, Юлай: хорошенько его!»

Двое начали раздевать башкирца. «Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверек, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок». Башкира отвели обратно в амбар.

Так обрисовал Пушкин образ «башкирца», представителя многострадального при царизме башкирского народа.

Начинается штурм крепости. Здесь опять Пушкин подчеркивает роль башкир: «Они, казалось, казаки,—говорится в седьмой главе,—но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам», «...вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ними на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке. Это был сам Пугачев».

В результате ожесточенного боя войска Пугачева победили. Они в крепости. На площади появилась виселица. Там же находился Пугачев. Коменданта и других офицеров повели на площадь. Тот же Гринева говорит: «Когда мы приближались, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву».

Любопытно отметить, что картину борьбы башкир с крепостью и комендантом Пушкин развертывает последовательно и в таком же духе развертывает финал.

Башкиры передают коменданта в руки Пугачева. Естественно, Пугачев повелел казнить его. К такому же финалу Пушкин уже подготовил читателя. «Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали... накануне. Он держал в руке веревку». Через минуту комендант был повешен.

Казалось бы Пушкин должен был этот случай представить в трагическом плане. Но у автора симпатии на стороне башкирца. Последний — без ушей, без языка и без носа — понимал,

что ему делать. Он совершил справедливую месть. Таково и убеждение автора.

Мы не ставим своей задачей рассмотрение всей повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Это одно из замечательных творений гениального художника.

В «Капитанской дочке» А. С. Пушкин рассматривает пугачевское восстание как совместную борьбу народов против царизма и крепостничества. Симпатии Пушкина на стороне Пугачева и пугачевцев. В условиях Николаевской реакции нелегко было решиться писать на такие темы. Но великий гуманист и певец свободы был на стороне народа.

Создавая свои гениальные произведения из истории народной борьбы с царизмом, он выражал протест против царизма и крепостничества. Пушкин хорошо понимал, что означало восстание 1773—1774 гг. Об этом он ясно говорит устами Гринёва (восстание «коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода»). Это была исторически правильная оценка народного движения.

Понятно, что Пушкин свои исторические работы не мог писать с позиций исторического материализма, так как исторический материализм еще не был тогда открыт. Но он был глубоко народным, великим гуманистом, реалистически отображающим жизнь и быт народов.

О башкирах А. С. Пушкин упоминает еще в своей поэме «Братья-разбойники». На первый взгляд здесь поэт как будто отзывается о башкирах нелестно: «башкирец безобразный».

Но после ознакомления с «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой» нам становится вполне ясно, что вкладывается в эти слова «башкирец безобразный». Пушкин с большим уважением и симпатией относится к представителям угнетенных народов. Как мы видели в «Капитанской дочке», поэт показывает образ изувеченного и обезображенного башкира и относится к нему с симпатией. Когда в «Братьях-разбойниках» Пушкин пишет «башкирец безобразный», то он, несомненно, имеет в виду изувеченного, обезображенного, без ушей и без носа, башкира, ищущего волю и свободу.

А. Н. КИРЕЕВ

О ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы царской России от помещичье-капиталистического гнета, принесла свободу, счастье и создала все условия для расцвета творчества народов СССР. Октябрьская революция была, как указывали В. И. Ленин и И. В. Сталин, не только величайшей революцией в области экономических и общественно-политических отношений, она явилась вместе с тем и революцией в умах, великой революцией в быту и в идеологии трудящихся масс.

Совершенно по-новому стали трудиться и творить народы нашей страны после Октябрьской социалистической революции. Советский народ, окрыленный победой и счастьем, впервые запел свободным голосом, запел совершенно по-новому, выражая этим возникновение новой социалистической жизни.

Во всех концах нашей необъятной страны, на различных языках, зазвучали песни народов СССР о великой победе в Октябре, об организаторе этой победы — великой Коммунистической партии и о любимых вождах революции Ленине и Сталине.

Не случайно поэтому, что первым и самым распространенным жанром послеоктябрьского фольклора является песня. Песней прославил народ Великий Октябрь, с песней шел он на войну против врагов, с песней строил новую жизнь и преобразовывал страну.

В этом плане очень характерна одна из многих башкирских песен, опубликованная в сборнике «Творчество народов СССР», называемая «Три слова»:

Встает над степью заря,
Выходит в небе издали звезда,
О, ни одно из слов, что нам оставил Ленин,
От сердца не отходит никогда!

Как хороша в горах уральских даль!
О, как цветет в горах уральских даль!
В широкий мир, в счастливый мир приводят
Дороги те, что людям Ленин дал...

Как добрый конь, ступает твердо время,
Идут года, и мы идем вперед,
По тем путям, что завещал нам Ленин,
Родной товарищ Сталин нас ведет.¹

Так башкирский народ выражает свою искреннюю любовь к В. И. Ленину и И. В. Сталину, открывшим в Октябре дорогу к общенародному счастью.

Устное поэтическое творчество башкирского народа так же, как и творчество других народов, отражает все то новое, что принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция в области хозяйства, социальных отношений, политической жизни и культуры. Появляются новые жанры поэтического творчества, видоизменяются и развиваются в новых условиях существующие жанры и формы выражения. Основной формой поэтического творчества в советский период является песня.

В тематическом отношении песня является самым богатым и разнообразным жанром пооктябрьского фольклора. Причем, как характерную особенность песни, в этом отношении нужно подчеркнуть преобладание в ней общественной тематики. Песня продолжает развиваться в основном по линии все большего отражения в себе общественной жизни. Это не значит, что в пооктябрьском песенном репертуаре башкирского народа исчезает или суживается бытовая или любовно-лирическая тема. Любовно-лирическая и бытовая тема занимает довольно большое место в песне и по сей день и продолжает развиваться так же активно, как и раньше. Дело в том, что бытовая тема сама впитывает теперь влияние общественных отношений и, следовательно, становится так же тенденциозной в хорошем смысле слова, активной, публицистичной. Эта публицистичность делает песню гибкой, актуальной, жизненной, злободневной и, следовательно, очень подвижной и популярной.

Серьезные изменения наблюдаются в башкирском песенном творчестве и в жанровом отношении. В башкирском фольклоре песню принято делить на два вида: 1) узун-кюй (протяжная песня), 2) кыска-кюй, или, вернее, кыска-йыр (короткая песня).

Если до Октября преобладала в песенном репертуаре преимущественно узун-кюй, то после Октябрьской революции это соотношение резко меняется в пользу кыска-кюй, или кыска-йыр. Это объясняется прежде всего тем, что протяжная песня бытует больше как песня сольная. Следовательно, такой

вид творчества не мог иметь большого успеха в своем развитии в период больших социальных преобразований, в период ломки старого, в период ожесточенной схватки нового и старого во всех областях жизни и творчества, когда народ выступал как коллективный творец и создатель нового. Песня должна была соответствовать этому кипучему, созидательному процессу. Такую функцию взяла на себя более легкая и гибкая форма песни кыска-йыр.

Песенная культура башкирского народа стала после Октябрьской социалистической революции расти и развиваться в совершенно новых условиях. Весьма любопытно и интересно отметить появление нового фактора в развитии песенной культуры башкирского народа — это активное влияние русской революционной песни. С первых же дней революции получили очень широкое распространение в народе революционные песни, переведенные с русского на татарский язык. Так как тогда только что разрабатывались основы башкирского литературного языка и башкиры пользовались близким для них языком татарским, то получалась своеобразная лестница проникновения русской песни через татарский язык. К числу таких песен можно отнести «Интернационал», «Марсельезу», «Варшавянку», «Похоронный марш», «Кузнецы» и т. д.

Все эти песни, имеющие литературное происхождение, прочно вошли в массовый репертуар русских рабочих, активных слоев крестьянства и особенно интеллигенции. Интересно проследить пути проникновения этих песен вообще в нерусскую среду и, в частности, в песенный репертуар башкирского народа.

Переводы с русского на татарский язык, в силу языковой ограниченности переводчиков, пестрили тюркизмами, арабизмами. Однако идейная близость этих песен народу сделала их доходчивыми. Воспринимая через литературные варианты, в каждой местности их распевали по-своему, на языке своего района, аула, переделывали, видоизменяли, улучшали, выбрасывали непонятные для народа арабские и тюркские слова и дополняли сочной народной лексикой.

Таким образом, налицо активное участие самого народа в распространении и усовершенствовании этих песен, проникших через литературу.

Но не только таким путем проникала революционная песня. Она нашла себе также и другой, более прямой и непосредственный путь проникновения. Часть башкирских джигитов, побывавшая в городах, в рабочей среде (в рудниках, шахтах, на заводах, на железной дороге), а также на военной службе пела революционные песни непосредственно на русском языке, вместе с русскими товарищами по заводу, шахте или по полку. Правда, во многих случаях русское произношение искажалось при исполнении и принимало, благодаря акценту, своеобраз-

¹ Творчество народов СССР. Москва, 1937, Издательство «Правда». Песня берется в сокращенном виде.

ную окраску (например, слово «свобода» произносилось как «слобода»). Исполнители песен, возвращаясь на родину, делали в аулах среди населения очень большое и полезное дело. Через них революционные песни быстро воспринимались молодежью и исполнялись в таком же виде, в каком донес сам «доводчик», бывший шахтер или солдат.

Таким же путем проникали старые песни солдат, рабочие песни, переделанные самими русскими исполнителями на новый лад. В аулах Башкирии молодежь особенно увлекалась музыкальными напевами таких песен. Привлекал молодежь боевой, суровый, и в то же время бодрый и жизнерадостный дух этих песен, заимствованных у русских. Поэтому нередко исполнялась только одна мелодия песни, без текста, или же текст подвергался соответствующим изменениям в зависимости от разговорного языка местности.

Интересно проследить изменения, которым подвергалась старая солдатская песня «Знаю, ворон, твой обычай». Боевая маршевая мелодия песни пользовалась популярностью и в годы гражданской войны, но текст был несколько изменен. Например, вместо куплета:

.....
Есть то место под Варшавой,
Где кипел кровавый бой,
Бой кровавый, пир богатый,
Буду помнить целый век.

в красноармейских частях, действовавших в пределах Урала, пели:

Есть то место на Урале,
Где кипел кровавый бой,
Беляков мы раскрошили,
Возвращались домой.¹

Этому куплету соответствуют приводимые ниже строки, исполняемые на ту же мелодию в башкирских национальных частях Красной Армии в годы гражданской войны.

Урал тауы тезмә-тезмә,
Безен яу сапкан ерзәр.
Ак бандалар емерелде,
Инде кайтырбыз илгә.²

Перевод:

Урал-гора стройна.
Это место, где мы воевали.
Банду белых раскрошили,
Возвращаемся домой.

¹ Записано со слов бывшего зилмского партизана Н. Барышева. Фольклорный фонд ин-та истории, языка и литературы.

² Записано со слов С. Рафикова. Фольклорный фонд ин-та языка, литературы и истории.

В дальнейшем джигиты-красноармейцы на эту мелодию пели новый текст, придавая ей вид настоящей боевой маршевой песни. Например:

Кони идут шагом
По зеленой траве.
А мы идем маршем,
Охраняя Советскую страну.
Сабля в руке красноармейца
Блестит, сверкая огнем.
Когда идут красноармейцы,
Все враги в трепете.¹

Любопытно отметить, что эта песня имела большое распространение и позже (даже в тридцатых годах). Ее пели особенно охотно на сборных пунктах допризывников, в лагерях Осоавиахима или просто в комсомольских кружках по изучению военного дела. Следовательно, она закрепилась среди башкирской молодежи, как боевая песня, связанная с исполнением воинского долга.

Кроме этого, можно было бы указать на распространение, правда, с некоторыми изменениями таких песен как «Соловей-пташечка», «Рассыпайся врассыпную» и др.

Таким образом, русская песня, главным образом революционная и солдатская, проникнув, с одной стороны, через перевоудню поэзию, и, с другой, путем непосредственного усвоения на русском языке, оказала очень большое влияние на дальнейшее развитие песенной культуры башкир. Это явление выразилось прежде всего в том, что в дальнейшем в песенном репертуаре получили свое интенсивное развитие хоровые, коллективные песни. Как известно, в дореволюционном песенном творчестве башкир преобладают протяжные, грустные песни, отражающие нерадостное, тяжелое житье. После революции башкирская песня стала боевой, жизнерадостной, бодрой.

Одним из ярких показателей влияния русской песни является особая активизация припева в башкирской песне.

Припев в новых условиях был использован народом для выражения творческого и духовного подъема, вызванного социальными изменениями. Припев часто видоизменялся в соответствии с обстановкой, чтобы подчеркнуть сущность отношений исполнителей к политическим событиям.

Из припевов, более распространенных в первые годы Октябрьской революции, можно указать на следующие:

¹ Подстрочный перевод с башкирского. Фольклорный фонд ин-та истории, языка и литературы. В оригинале поется так:

Аттар килә атлар-атлар,
Йәш үләндәрзе таптап.
Без йөрөйбез марш атлар,
Советтәр илен һаклап.

Кызыл гәскәрҙен кылысы
Көнгә каршы ялтырай.
Кызыл гәскәр килгән сакта,
Бар дошмандар калтырай.

Раз два, свобода,
Свобода—наша,
Свобода—свобода
Вся теперь своя...!

В некоторых районах эти же строки использовались в виде приплясок к плясовым такмак, отражая в себе обращение к конкретному лицу, исполняющему пляску:

Попляши, Идиэт!
Свобода-хуррият (свобода).
Теперь вышла свобода,
Не спи больше, Гиният!²

Нередко эти припевы выражали всенародную радость, ликование по поводу всемирных побед Красной Армии или же по поводу коренного улучшения жизни. В этом отношении характерен припев: «Пусть живет, пусть живет, славна Красная Армия».

Открою я окошечко—
Хорошо на воле.
Красный флаг, лучистый флаг,
Пусть живет вовеки.

Припев: Пусть живет, пусть живет
Славна Красная Армия!³

Любопытно отметить, что в качестве боевого отклика на политические события, происходящие в стране, были использованы некоторые старые элементы припева. Таким является «Соловей, голубка».⁴ Этот припев любовной песни был видоизменен. В старой песне пели:

¹ В башкирском оригинале:

Раз, два, хөррият,
Свобода беззеке!
Свобода-хөррият,
Бар за үзөбеззекө.

² В башкирском оригинале:

Бас, бас, Идиэт,
Свобода-хөррият.
Свобода: сыкты инде,
Йоклап ятма, Гиният!

³ В оригинале:

Тәзерәмде асык куям,
Йәйге көндәр йәмдөгә.
Кызыл флаг, нурлы флаг 7 —
Йәшәтербез мәңгегә.

Припев: Йәшәһен, йәшәһен
Шанлы кызыл гәскәрзәр!

⁴ Хандугас, күгәрсен.
Калчак бөтө күрәмһен?

Соловей, голубка,
Разошлись, как видишь...¹

Из всего этого оставалась нетронутой только первая строка, а вторая использовалась для выражения идеи новой песни.

Соловей, голубка,
Колчак сдох, как видишь?...²

или:

Белые сдохли, как видишь?...³

Известны также следующие более поздние варианты:

Соловей, голубка,
Мы строим, как видишь?...⁴

или:

Соловей, соловей, красавица-пташечка,
Кенарей-лебедь, так грустно не пой!
Раз, два, три, в нас красна сила,
Буржуазия, зубы не точи!...⁵

Не трудно догадаться, что источником этого припева является старая русская солдатская песня «Соловей, соловей, пташечка». Очевидно, эта песня подверглась некоторым изменениям в годы гражданской войны и была привезена в башкирские аулы бывшими солдатами или же красноармейцами. Затем она потеряла коренную переделку в соответствии с национальной поэтикой и получила совершенно другую, острополитическую окраску. Причем первые строки этого припева указывают на источник. В русской солдатской песне звучало так:

Соловей, соловей, пташечка,
Канаречка, жалобно поет.

В этих строках изменены только отдельные слова. Но зато следующие строки целиком являются продуктом нового коллективного творчества, возникшего как горячий отклик на проделки и угрозы мировой буржуазии:

Раз, два, три, в нас красна сила,
Буржуазия, зубы не точи!

¹ В оригинале:

хандугас, күгәрсен,
Айырылабыз, күрәмһен?

^{2, 3, 4, 5} В оригинале:

хандугас, күгәрсен,
Колчак бөттө, күрәмһен?

хандугас, күгәрсен,
Актар бөттө, күрәмһен?

хандугас, күгәрсен,
Без төзөйбөз, күрәмһен?

хандугас, хандугас, былбыл кош,
Көнәри акшош, монло һайрама,
Бер, ике, өс, беззә кызыл кес,
Буржуазия, төшөп кайрама.

Имеется еще один характерный припев, отражающий также заимствование из русских маршевых песен: это — припевы, посвященные восхвалению Петрограда (позже Ленинграда) и Москвы.

Петроград, Москва,
Питер город каменный.
Чтобы видеть Питер-город
Сердце наше бьется.¹

По всей вероятности, эти куплеты создавались на марше, в пути башкирских красноармейских частей, шедших на защиту Петрограда в 1919 году и, может быть, в бою. Это подтверждается наличием другого варианта, указывающего непосредственно на бой за Петроград:

Чтобы охранять Питер-город,
Сердце молодое бьется.

или:

Чтобы биться за город Питер,
Сердце молодое бьется.

или:

Чтобы бить Юденича,
Сердце молодое бьется...²

Позже слово, Петроград было заменено новым названием города — Ленинград, и песня с таким припевом, получившим название «Ленинград, Москва», приобрела большую популярность.

Можно было бы привести много других примеров, когда припевы превратились как бы в центр песни, вокруг которого объединялись куплеты, согласующиеся тематически. Таким образом, припев стал активным элементом башкирской советской песни, как бы организующим центром ее. Не случайно поэтому, что многие песни, получившие широкое распространение особенно в последние годы, носят название по припеву («Ленинград, Москва», «Наза», «Эллерук» и т. д.).

¹ В башкирском оригинале:

Петроград, Моск/ы/ва,
Питер эста таш кына,
Питер калаһын күрергә
Йәш йөрәгем ашкына.

² Фольклорный фонд ин-та истории языка и литературы. Подстрочный перевод с башкирского. Приводим тексты оригиналов на башкирском языке:

Питер калаһын һаҡларға
Йәш йөрәгем ашкына.

Или: Питер өсөн һуғышырға
Йәш йөрәгем ашкына.

Или: Юденичте тукмар өсөн
Йәш йөрәгем ашкына.

Приведенными примерами не исчерпываются новые черты в башкирской песне. Было бы, конечно, неверно думать, что в башкирском фольклоре исчезли старые формы песенного творчества. Традиционные поэтические приемы и песенные жанры продолжали и продолжают жить, развиваться и видоизменяться. Например, дореволюционная песня узун-кой имела большое влияние на советскую песню, она развивается в новых условиях. В песенном репертуаре башкирского народа много новых, современных песен и на размер узун-кой.

В дальнейшем получили очень широкое распространение песни, созданные башкирскими и татарскими поэтами и композиторами. Такие песни подвергались изменениям, дополнениям и переделкам и нередко попадали снова в печать в таком переделанном виде. Необходимо указать на активную роль печати в распространении новых песен среди населения. В этом отношении особо важную роль сыграли комсомольские газеты, издаваемые в Башкирии («Яш юксул», «Башкортостан йәштәре», позже «Ленинсе»). Таким образом, получалось своеобразное движение от литературы в народ и от народа снова в литературу. Связь письменного и устного творчества сыграла, безусловно, весьма положительную роль в развитии народного творчества и наложила свой отпечаток на литературу.

Из песен, получивших большую популярность среди народа, можно назвать «Башкорт маршы», «Ил кызы», «Урал улдары», «Тимерселәр», «Сәләм хат», «Ай урағын» и др.

Из башкирских поэтов, которые создали песни, получившие распространение в массах, нужно назвать М. Гафури, С. Кудаша, Р. Нигмати, К. Даяна, Б. Бикбая, М. Карима, Г. Амири и др. Вместе с тем имели распространение песни татарских поэтов: К. Исанбета, Х. Такташа, А. Кутуя и др. Из композиторов, создавших популярные песни, ставшие народными, можно назвать Х. Ибрагимова, М. Валеева, позже З. Исмагилова, Х. Ахметова, Х. Заимова, Р. Муртазина и др. Из татарских композиторов, песни которых получили популярность среди башкир, нужно назвать прежде всего С. Сайдашева, а позже Музафарова, Файзи и др.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть большую роль и благородное влияние русских композиторов и поэтов-песенников. Песни советских поэтов Д. Бедного, В. Лебедева-Кумача, М. Исаковского, А. Суркова и других, песни советских композиторов Александрова, Захарова, Дунаевского, Блантера, Соловьева-Седого, Мокроусова и многих других оказали очень активное и положительное влияние не только на развитие башкирской профессиональной песни, но и на развитие всего песенного творчества башкирского народа.

Считается общепризнанным, что весь послеоктябрьский фольклор вообще испытал и испытывает сильное влияние книги, литературы. Это прежде всего относится к песенному твор-

честву народов. Песенный репертуар башкирского народа, таким образом, развивался тоже под сильным влиянием профессиональной песни, под влиянием творчества советских поэтов и композиторов.

Все большее и большее сближение и связь письменного и устного творчества стали определяющим моментом для советского периода развития фольклора. Всеобщая грамотность населения позволила народу не только заучивать новые фольклорные произведения, но и записывать их. По-иному стала выглядеть роль импровизаторов-сэзнов, для которых теперь недостаточно сочинить песню, надо также записать ее, чтобы другие тоже имели возможность переписать и распространять ее.

С первых же лет революции стало наблюдаться сильное увлечение городской и сельской молодежи писанием стихов и песен. В том случае, если эти стихи и песни приходились по вкусу ближайшей к автору среде, они получали очень быстрое распространение и превращались в песню путем подбора к ним соответствующей мелодии.

Огромную помощь таким авторам оказали местные комсомольские организации, а также областная партийная и комсомольская печать. Большинство из этих песнетворцев впоследствии стало рабкорами, селькорами и связало свое творчество с коммунистической печатью. На этом этапе своего творчества они уже получили правильное идейно-художественное направление. Не случайно, что большинство поэтов и писателей Башкирии в первое десятилетие Советской власти прошло путь рабселькора.

Активное участие народных масс в строительстве нового общества сделало песню самым жизненным жанром и обусловило преобладание в ней общественной тематики.

Первые же страницы поэтических произведений башкирского народа, вошедших в золотой фонд советского фольклора, посвящены великим и любимым вождям В. И. Ленину и И. В. Сталину. И это вполне естественно. С именем В. И. Ленина и И. В. Сталина связаны свобода и счастье народа, завоеванные в Октябре. В. И. Ленин и И. В. Сталин вели народ от победы к победе. Ленинизм освещал путь народу в его борьбе за построение социалистического общества в нашей стране.

Над степью небо в заревой игре,
Багровым светом блещет звезда.
Нам Ленин дал свободу в Октябре,
Врагов в страну не пустим никогда.¹

¹ Перевод с башкирского П. Куликова. Опубликовано в газете «Красная Башкирия» от 12 апреля 1950 г. Все остальные тексты башкирских песен, за исключением двух, даются в переводе П. Куликова.

или:

Прекрасны долины Урала,
В цветах склоны Урала,
Ленинизм вывел наш народ
В светлый мир, в счастливый мир.¹

Так башкирский народ прославляет в своих песнях великого вождя В. И. Ленина, основателя первого в мире Советского государства, друга и учителя миллионных масс. Лучшим памятником великому Ленину народ считает исполнение его идей — построение коммунизма в нашей стране.

По пути, указанному Лениным,
Мы идем в коммунизм.

В образе И. В. Сталина народ видит верного ученика и продолжателя дела В. И. Ленина.

На конях своих ретивых
Идем вперед и все вперед.
По пути, что наметил Ленин,
Нас великий Сталин ведет.

Так возникает новый, богатый цикл народных песен, посвященных И. В. Сталину.

Эти песни выражают беспредельную любовь народа к вождю, чье имя стало символом новых побед в борьбе за создание коммунистического общества. Народ видит, как ясный ум великого Сталина обогатил высшее достижение человеческой мысли — ленинизм, как эти высокие преобразующие идеи ленинизма претворяются в жизнь под руководством Коммунистической партии. И понятно, почему народ спешит запечатлеть в своем творчестве всю мощь и величие дела Сталина, выразить свою любовь к нему, прославить его в своих песнях.

На земле нет радостнее нас,
Мы гордимся счастьем своим.
В песнях славим Сталина-отца
И за все его благодарим.

Он нам к счастью указал пути —
Стало жить свободней оттого,
Пусть услышит песни радости,
Что летят к нему от сердца моего.

С именем любимого Сталина связывает народ те великие социалистические преобразования, которые произошли в стране после смерти В. И. Ленина. По гениальному сталинскому

¹ Текст оригинала на башкирском языке:

Алдыр Урал буйзары,
Гелдер Урал буйзары,
Якты доньяга сыгарзы;
Ленинизм юлдары.

плану была осуществлена индустриализация страны. Творцом, инициатором и организатором великого плана социалистической индустриализации страны был великий Сталин. Поэтому первое слово благодарности за укрепление мощи социалистической Родины, за осуществление грандиозного плана индустриализации народ выражает в песнях, посвященных великому Сталину.

Так возникает новый цикл башкирских советских песен — об индустриализации, о труде, воспевающий сталинский план строительства социализма в нашей стране. Это новое и прямое продолжение народных песен о В. И. Ленине и И. В. Сталине.

Заводов, фабрик корпуса
Любовно возводили,
По плану Сталина страну
В крепость превратили.

Выполняя заветы Ильича, под руководством великого Сталина, советский народ преобразовал и деревню. Волею Коммунистической партии, волею Сталина, при активной поддержке миллионных масс, был осуществлен ленинский план кооперирования мелких крестьянских хозяйств. Возникли крупные механизированные хозяйства — совхозы, колхозы с электричеством, радио, телефоном, автомобилями, тракторами и комбайнами. Все это красочно и убедительно отражено и в башкирском фольклоре, особенно в песнях. Появляется, таким образом, серия новых песен о коллективизации.

Песни, посвященные социалистическому переустройству деревни, являются также прямым продолжением и развитием народных песен о В. И. Ленине и И. В. Сталине.

Богатеет, цветет наш колхоз,
Даже звезды завидуют нам.
Электричество всюду горит,
И пестреют цветы по лугам.
Сталин ночь превратил в светлый день,
Все просторы садами одел.
Мы спасибо ему говорим,
Он заботой своей нас согрел.

В результате успешного осуществления великих сталинских планов социалистического преобразования страны, несравненно возросло народное богатство. Народ получил возможность осуществить свою вековую мечту — право на труд, право на творчество, на образование, на обеспеченную старость, на отдых.

Все это было закреплено в историческом документе нашей эпохи — Советской Конституции. Советская Конституция — это священный закон, это закон счастья, справедливости, закон радости и свободы, закон зажиточной жизни и творческого труда. Потому народ и назвал этот закон Сталинским.

В законе Сталинском написаны
Вождем священные слова,
Что граждане прекрасной Родины
Имеют равные права —
На труд, на отдых и учебу,
Что жизнь для счастья всем дана,
Народы трудятся свободно,
И процветает вся страна.

Это уже новая серия, серия песен о Советской Конституции, являющаяся своеобразным продолжением, развитием поэтического творчества народа о своем любимом вожде И. В. Сталине.

Великий Сталин учит народ не успокаиваться на достигнутом, идти все вперед и вперед. И. В. Сталин учит народ не зазнаваться и быть всегда бдительным. Он напоминает народу о наличии капиталистического окружения, а потому призывает его быть всегда начеку, в боевой готовности. Создаются новые мотивы в фольклоре, отражающие отклики народа на призыв вождя. В Башкирском песенном репертуаре возникает снова богатый цикл песен — песни об обороне страны, о Советской Армии, о защите социалистической Родины.

Мы защитники земли
И джигиты Сталина,
Кавалерия страны —
Коней славных дали нам.
Мы наказ твой, вождь родной,
Свято в сердце сохраним.
Ни вершка земли своей
Мы врагу не отдадим.

Песни об обороне страны занимают большое место в октябрьском песенном репертуаре. В этих песнях дело обороны социалистической Родины показано, как священный долг граждан СССР, как прямое продолжение дела Ленина и Сталина, дела строительства социализма в нашей стране.

В годы Великой Отечественной войны песня становится близким другом народа, особенно фронтовиков. В эти тяжелые для советского народа годы взоры всех народов были устремлены к великому Сталину. Это он призвал народ дать отпор зарвавшимся гитлеровцам, под его мудрым руководством Советская Армия и народ одержали великую победу.

В песнях, возникших в годы Великой Отечественной войны, И. В. Сталин изображается мудрым полководцем, близким другом солдат-фронтовиков, отцом всего советского народа.

Солдаты, идущие в бой, пели:

На Дону мы побывали,
Наступленье начинали,
За Сталина, за родного
В бой горячий вступали.

¹ Перевод с башкирского З. Пименовой. Фольклорный фонд ин-та истории, языка и литературы.

Храбрые джигиты-воины пели:

Ты нас вдохновил в дни боев,
Мы были согреты тобой,
И жизни дороже нам имя твое.
Веди ж, полководец, веди за собой!

Советский народ с честью и славой одержал великую победу под мудрым руководством своего любимого вождя. Об этом также поется в песне:

Мы воевали на Дону,
Крепко недруга хлестали.
С честью кончили войну
Потому, что вел нас Сталин.

Труженики заводов, фабрик и колхозных полей прославляют великого Сталина:

Любимый вождь, великий Сталин,
Надежда и оплот нашей страны.
С тобой не раз мы врага побеждали,
И взоры всех к тебе обращены.

Народ пел, обращаясь к великому другу и учителю:

Ты, как солнце, горячо любим.
Так веди же нас, Сталин, снова в бой.
За тебя сердца мы отдадим,
Исполним твой приказ любой.

Под гениальным руководством И. В. Сталина советский народ одержал победу в Отечественной войне и, прогнав и разгромив врага, приступил к разрешению своих мирных задач.

Выполняя величественную сталинскую программу построения коммунизма, советский народ взялся за восстановление и развитие народного хозяйства. Под руководством Коммунистической партии народ быстро залечил раны, нанесенные войной, и одержал новую победу, успешно выполнив и перевыполнив план первой послевоенной сталинской пятилетки. Пафос труда миллионов простых советских людей, отражается в песнях, посвященных послевоенной пятилетке.

Мы страну свободную украсим
Алыми, чудесными цветами,
Опояшем все поля колхозов
Стройными зелеными лесами.
Восстановим шахты и заводы,
Чтобы притти скорее к коммунизму,
Чтобы жили в счастье все народы,
Превратим в цветущий сад Отчизну.

Советский народ стоит за мир и отстаивает дело мира. Под водительством партии он идет в первых рядах борцов за демократию и за мир во всем мире.

На тему защиты мира башкирский народ также создал много злободневных песен, в которых советский народ показан, как великий организатор дела мира, как могучий богатырь, громящий всякие происки поджигателей войны.

Не мешайте, господа буржуи,
Заниматься нам великим делом,
Коммунизм мы построим
И на ваш удар ответим смело.
Мы войны и крови не хотим,
Но и своей земли не отдадим.

Содержание

О состоянии и задачах башкирского языкознания 3

Р. Н. Терегулова О роли русского языка в обогащении словарного состава башкирского языка 9

А. И. Харисов О переводах башкирской поэзии на русский язык . . 27

З. Г. Шарки К истории башкирской советской литературы (1918—1920 гг.) 39

А. Н. Усманов Башкиры в произведениях А. С. Пушкина 63

А. Н. Киреев О песенном творчестве башкирского народа в советский период 77

СОДЕРЖАНИЕ

О состоянии и задачах башкирского языкознания 3

Р. Н. Терегулова О роли русского языка в обогащении словарного состава башкирского языка 9

А. И. Харисов О переводах башкирской поэзии на русский язык . . 27

З. Г. Шарки К истории башкирской советской литературы (1918—1920 гг.) 39

А. Н. Усманов Башкиры в произведениях А. С. Пушкина 63

А. Н. Киреев О песенном творчестве башкирского народа в советский период 77

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАШКИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
УФИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
УФИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редакционная коллегия:
Г. АМИРИ, Р. КУЗЕЕВ,
Р. ТЕРЕГУЛОВА
(ответственный редактор),
А. ХАРИСОВ.

Техредактор *Ф. Гайфуллин*. Корректор *П. Пастухов*.

Сдано в набор 25/IX 1952 г. Подписано к печати 7/IX 1953 г. П 26009.
Тираж 1000. Формат бумаги 60 × 92 ¹/₁₆. Объем 3,0 бумажи. = 6,0 печ.
листов. 5,2 учетно-издат. 5,09 авт. листов. Издание № 273. Заказ № 267.
Цена 4 руб. 05 коп.

Типолитография „Октябрьский натиск“. Уфа, ул. Сталина, корпус 43